

ЧЕСТЬ – СВЯТЫНЯ ОФИЦЕРА?

Об офицерской, воинской чести на страницах войсковой печати, в том числе и нашего журнала, в последнее время говорится немало. Казалось бы, правильные и лишённые всякого пафоса слова военного писателя и публициста, Генерального штаба полковника М.С.Галкина о том, что "честь – святыня офицера, она – высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте", наши читатели, и в первую очередь офицеры, должны знать ещё с курсантской поры и постоянно ими руководствоваться. Однако, как показывает жизнь, это не стало нормой. И недавнее заседание военного совета Главного командования внутренних войск, на котором обсуждались проблемы роста офицерской преступности, – наглядное тому подтверждение.

О какой чести вообще можно вести речь, если сегодня каждое третье преступление во внутренних войсках совершается офицерами? Мыслимо ли это было в русской армии? Думаю, что нет! В ту пору офицеру, если он ударил подчинённого, никто из его сослуживцев и руки бы не подал. В походах и кампаниях русский офицер запросто мог закупить на свои деньги провиант для солдат, чтобы накормить их. Примеров тому достаточно. Самый известный – князь Багратион, расплачивавшийся из своего кошелька во время Итальянского и Швейцарского походов с местными жителями, лишь бы его егеря не испытывали голода. А если офицер присвоил казённый рубль, держал бы строгий ответ на офицерском собрании, авторитет которого среди русского офицерства всегда был высочайшим. Сейчас в это сложно поверить, но были времена, когда офицерское собрание могло обязать офицера, совершившего бесчестный поступок, застрелиться, чтобы смыть позор.

А что мы видим сегодня? Всё с точностью до наоборот: офицеру ничего не стоит поднять руку на солдата, обобрать его, заставив пополнить счёт командирского мобильного, стащить со склада пару-тройку ящиков тушёнки или канистру бензина, а за выполнение в общем-то своих прямых обязанностей взять на лапу.

К великому сожалению, только за пять месяцев текущего года офицерами внутренних войск совершено более ста преступлений, и эта цифра продолжает расти. Порой складывается впечатление, что некоторые из них стремились занять ту или иную должность и продвинуться по службе лишь ради того, чтобы обогатиться за счёт государства и потуже набить карман. Вы только вдумайтесь: только старших офицеров в 2010 году осуждено 29 человек, в числе которых 8(!) командиров воинских частей.

Откуда же они берутся, такие горе-офицеры? Мы до сих пор полагаем, что вместе с офицерскими погонами человек получает кристальную совесть, неподкупность, обострённое чувство долга и справедливости – все те качества, которые в совокупности и составляют понятие офицерской чести. Ан нет! Такие понятия, как долг, честь, ответственность, должны прививаться молодым людям ещё в военных институтах. А что мы видим в итоге? Начиная с 2007 года выпускниками военных вузов в

первые два года их офицерской службы совершено 105 преступлений: одни самовольно оставили воинскую часть, другие подняли руку на солдата, третьи совершили кражу или грабёж. И это только те, кого удалось выявить и наказать. А сколько лейтенантских "подвигов" осталось в тени, сокрыто от учёта их же старшими товарищами-офицерами. Не потому ли войска потом получают командиров батальонов и полков, которые оказываются на скамье подсудимых. По большому счёту, это те же лейтенанты, на проступки которых в своё время кто-то закрыл глаза!

Упомянутый выше полковник М.С. Галкин в начале XX века по этому поводу писал: "При всех остальных хороших служебных качествах офицер не сможет быть терпим, если он неразборчив в добывании средств к жизни и своим поведением марает мундир. Кто не может возвыситься до истинного понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера".

"В службе честь" – таков наиглавнейший завет создателя регулярной русской армии Петра I, когда-то вошедший в плоть и кровь российского офицерского корпуса. Так не пора ли нам вернуться к своим истокам, призадуматься о смысле жизни и осознать, для чего мы надели офицерские погоны. Только тогда каждый из нас сможет смело сказать: "Честь имею!".

Подполковник Сергей ПОРТНОВ,
начальник отдела
морально-психологического обеспечения,
член редколлегии журнала

В службе честь!

НА Б ОЕВОМ ПОСТУ

Журнал – лауреат
премии МВД России

Учредитель: Российская Федерация.
Полномочия учредителя от имени
Российской Федерации
осуществляет МВД России

Издатель: Главное командование
внутренних войск МВД России

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информации
Российской Федерации. Регистр. № 01420.**

Главный редактор КИСЛЫЙ Ю.П.
тел.: (495) 361-82-57

Редакционная коллегия:
АЛЕКСЕЕВ К.А., АРТЮХОВ Е.А.,
архиепископ Челябинский и Златоустовский
Феофан (АШУРКОВ И.А.), БАБАЙЦЕВ С.В., БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
БОЛТИКОВ В.В., ГРЕКОВ В.И., ДОЛОНИН Н.А., ДУРКАЧ Р.П.,
ДЮЛЬДИН С.А., ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАЛИНИН В.В., КАЛМЫКОВ Д.Д. (зам. главного редактора),
КАРПОВ Б.В., КОЛЕСНИКОВ С.С. (зам. главного редактора),
КРЫСАНОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКОВЕВ Т.К.,
МИХАЛЁВ А.Н. (зам. главного редактора),
НИКУЛЬШИН А.В. (зам. главного редактора),
НОВОЖИЛОВ В.Ю., ПАНЧЕНКОВ В.В., ПЕТЕЛИН Н.Н.,
ПОРТНОВ С.А., РОВЕНСКИЙ П.Н.,
СОРОКИН А.К. (ответственный секретарь),
СОФРОНОВ И.Е. (зам. главного редактора),
ЧЕПЯШЕВ С.К., ЭДКОВ А.А.

Дизайн БОЛТИКОВ В.В.

Вёрстка ИЛЛАРИОНОВА Е.Б.

Корректоры БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

Отдел распространения и маркетинга
тел./факс: (495) 361-83-14
e-mail: nbp-market@yandex.ru

Финансовый отдел
тел.: (495) 361-83-85

Отдел рекламы
тел./факс: (495) 361-87-27
e-mail: reklamavvmvd@mail.ru

Типография
тел.: (495) 361-88-54

Сдано в набор 08.06.2011. Подписано к печати 27.07.2011.
Формат бумаги 60х90 1/8. Общий тираж изданий 15000.
Печать офсетная. Усл.печ. л. 8. Зак. № 214.

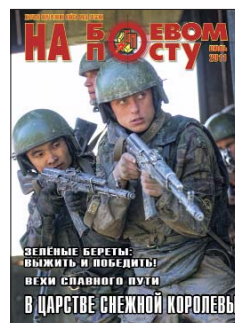
Отпечатано в типографии редакции
журнала "На боевом посту" внутренних войск
МВД России

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9а
Телефоны для справок: (495) 361-81-71
E-mail: vvpst2006@yandex.ru

© Журнал "На боевом посту", 2011

№ 7 (525)

июль 2011

На 1-й странице обложки:

Фото Виктора БОЛТИКОВА

Журнал имеет приложения:
газету "Ситуация"
и сборник
учебно-методических
материалов
"Войсковой вестник".

При перепечатке материалов ссылка
на наш журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать принятые
к публикации тексты. Редакция может
публиковать материалы, не разделяя
точку зрения авторов. Рукописи не
рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов, имён
собственных, неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций,
за достоверность рекламных
объявлений – рекламодатели,
за качество печати – типография.
Переписка с читателями ведётся
только на страницах журнала.

Индекс для подписки через
агентство "Роспечать" –

70 610

СОДЕРЖАНИЕ

БОЕВАЯ УЧЁБА
**9 ЭКЗАМЕН НА КРАПОВЫЙ
БЕРЕТ СТАНЕТ ЕЩЁ СЛОЖНЕЕ**

**16 ЗЕЛЁНЫЕ БЕРЕТЫ:
ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ!**

**20 В ЦАРСТВЕ СНЕЖНОЙ
КОРОЛЕВЫ**

СЛУЖБА
**26 ПЕРВЫЙ ОН И В СЛУЖБЕ
ПЕРВЫЙ**

30 ДЕЛИКАТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

**33 ГЕРОЙ, О КОТОРОМ ЕЩЁ
НЕ СКАЗАЛИ**

ВETERАНЫ
**36 ДЛЯ НАС – ИСТОРИЯ,
ДЛЯ НИХ – ЖИЗНЬ**

**ИНТЕРВЬУ
НОМЕРА**

Заместитель главного командующего внутренними войсками
по боевой подготовке – начальник управления боевой подготовки
ГКВВ МВД России генерал-лейтенант Юрий БАБКИН:

"КОМАНДИР ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ ТВОРЧЕСКИ!"

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
**39 НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ
К ЛЕНИНГРАДУ**

КУЛЬТУРА
**44 ВОЙСКОВОЙ ЖУРНАЛИСТ
НА ПЬЕДЕСТАЛЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
ФОТОПРЕМИИ**

СПОРТ
46 ВЕХИ СЛАВНОГО ПУТИ

ЛИТЕРАТУРА
51 ГУЛЛИВЕР

57 НЕ ТОТ ПОКРОЙ

**58 КАК Я НЕ СТАЛ
ПОЛКОВНИКОМ**

**61 СВЕТАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ
СТЕПЬ**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

**63 РОДОНАЧАЛЬНИК ДИНАСТИИ
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ**

64 ВСКОРМЛЕННЫЙ С КОПЬЯ

64 ГЕРОЙ КУЛИКОВА ПОЛЯ

Бабкин Юрий Александрович родился 23 ноября 1958 года в г.Ростов-на-Дону. В 1979 году окончил Харьковское гвардейское высшее танковое командное училище, в 1992 году – Военную академию бронетанковых войск. Командовал танковым взводом, ротой, батальоном в Прикарпатском военном округе, танковым полком и мотострелковой бригадой в Забайкальском военном округе. С 1997 года проходит службу во внутренних войсках МВД России. С 2006 года – заместитель главнокомандующего внутренними войсками по боевой подготовке – начальник управления боевой подготовки ГКВВ МВД России. Награжден орденами “За военные заслуги”, Почёта, “За службу Родине в Вооружённых силах СССР” III степени, медалями. Женат. Имеет двоих сыновей, внука и внучку.

Заместитель главнокомандующего внутренними войсками по боевой подготовке – начальник управления боевой подготовки ГКВВ МВД России генерал-лейтенант Юрий БАБКИН:

“КОМАНДИР ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ ТВОРЧЕСКИ!”

– Товарищ генерал-лейтенант, два прошлых года во внутренних войсках прошли под знаком совершенствования боевой подготовки. Каких результатов удалось добиться благодаря такому подходу и какие были выявлены упущения?

– В первую очередь внимание уделялось организации боевой подготовки при переходе на годичный срок службы по призыву. Военнослужащие внутренних войск выполняют не отвлечённые, а вполне реальные задачи: обеспечивают общественную безопасность, охраняют

важные государственные объекты, борются с бандитами. У нас нет времени учить солдата тому, что на практике ему не пригодится. Если он служит в СМВЧ, ему нужна одна подготовка, в подразделении по охране ВГО – другая, в спецназе – третья.

Командиры получили возможность самостоятельно планировать боевую учёбу, учитывая специфику служебно-боевых задач в своих частях. Новые программы уже показали свою эффективность и успешно работают в войсках.

Ещё одна задача заключалась в том, чтобы выучку подразделений

оперативного назначения приблизить к подготовке спецназа и разведки, а профессионализм последних поднять на более высокий уровень. В этом направлении есть как успехи, так и недоработки. К сожалению, в некоторых частях и соединениях офицеры к планированию боевой учёбы всё ещё подходят формально. В результате иной раз приходится сталкиваться с такими курьёзами, когда занятия по лыжной подготовке в соответствии с документами планируются на июль и август, а по плаванию – на ноябрь. И смех и грех...

На самом деле всё зависит от командира. Откуда взяться высоким результатам, если он лично не занимается составлением планов и перекладывает контроль за их исполнением на третьих лиц?

– Во внутренних войсках военнослужащих – и срочников, и контрактников – обучают по самому широкому спектру специальностей. Расскажите, как в настоящее время работает эта система обучения.

– Я бы назвал несколько направлений. Это подготовка младших командиров и специалистов из числа солдат по призыву в учебных воинских частях как внутренних войск (младшие специалисты связи, РХБ защиты, инженерной и медицинской служб и другие), так и Министерства обороны, с которым у нас заключён договор на обучение механиков-водителей, наводчиков-операторов и командиров БМП, поваров и отдельных специалистов инженерной службы.

Офицеры повышают свою квалификацию на соответствующих курсах в период между окончанием вуза и поступлением в академию с перспективой дальнейшего назначения на высшие должности. Так, в Новосибирском институте курсы организованы для офицеров воинских частей спецназа и разведки, в Саратове – для представителей частей по охране ВГО, в Перми – для специалистов связи и АУВ, в Санкт-Петербурге – для офицеров структур по работе с личным составом. Там же, в Санкт-Петербургском институте, планируется организовать курсы и для офицеров-артиллеристов.

По пятнадцати специальностям наши офицеры повышают свой профессиональный уровень в учебных заведениях Министерства обороны и других силовых структур. Не возбраняется учёба и на заочном отделении гражданских вузов.

Ещё одно направление подготовки кадров – проведение сборов по специальностям, на которые привлекаются и офицеры, и прапорщики, и сержанты. Например, сборы нештатных авианаводчиков, корректировщиков артиллерийского огня, инструкторов горной подготовки. С Федерацией альпинизма России у нас заключён долгосрочный контракт, а весной нынешнего года мы также подписали договор с Федерацией малых летательных аппаратов и начали обучать мотопараплане-

ристов из числа наших военнослужащих. Различные модели мотопарапланов в скором будущем поступят в подразделения спецназа. Предполагается использовать новую технику для ведения воздушной разведки, доставки необходимых грузов на удалённые и труднодоступные точки, в качестве ретрансляторов в горах и для других целей.

Сейчас в управлении боевой подготовки ГКВВ разрабатывается новый курс стрельбы. Налажено тесное сотрудничество с Федерацией практической стрельбы. В соответствии с существующими стрелковыми методиками уровень подготовки стреляющего оценивается по поражению цели. Мы же предлагаем учитывать

при выставлении оценки ещё и защищённость стрелка с использованием естественных укрытий. Получается уже не практическая, а тактическая стрельба.

– В связи с плановым комплектованием сержантских должностей военнослужащими по контракту какая перспектива ждёт учебные воинские части по подготовке младших командиров?

– Количество военнослужащих по призыву в войсках будет постепенно сокращаться, и соответственно увеличится число контрактников рядового и сержантского состава. Зачастую контрактниками во внутренних войсках приходят ребята, кото-

рые по призыву служили в других видах и родах войск, поэтому, несмотря на имеющиеся у них военные знания и навыки, мы должны адаптировать их к специфическим задачам наших воинских частей. И если срочников станет меньше, то предназначенные для них учебки будут освобождаться. Но сокращать их нет смысла. Эти части целесообразно использовать для подготовки и переподготовки контрактников, в частности сержантов. На их базе в масштабе соединения или регионального командования будут проводиться сборы с различными категориями военнослужащих, в том числе с молодым пополнением. Можно их использовать и как базу для мобилизационного развертывания.

– **А действия противника вы берёте на заметку?**

– А как же! Без этого вся наша подготовка бесполезна.

На основании данных, поступающих из оперативного управления главного штаба, совместно с управлением боевой подготовки Северо-Кавказского регионального командования мы ведём анализ боестолкновений, определяем причины случаев неэффективного применения войск, характер ранений, получаемых военнослужащими. Результатом этого анализа стали методические рекомендации для подразделений оперативного назначения.

Один из наиболее распространённых способов действия бандгрупп в последнее время – подрыв, когда в местах выставления войсковых нарядов и на маршрутах ведения инженерной разведки срабатывает несколько мин-ловушек как нажимного действия, так и управляемых – обычно по мобильному телефону. Обстрелы на автодорогах и в населённых пунктах тоже не ред-

кость. Особенно это характерно для Ингушетии и Дагестана. Бывают случаи, когда бандиты обстреливают вертолёты внутренних войск во время эвакуации раненых.

Если говорить об упущениях, я бы обозначил следующие причины. Во-первых, разведка района спецоперации иногда проводится слабо, не всегда полностью выявляются базы, скрытые маршруты движения бандгрупп. Во-вторых, бывает, что спецмероприятия довольно долго планируются и согласовываются. За это время оперативная информация устаревает. Ну и, к сожалению, имеет место недостаточная профессиональная подготовка личного состава – как командиров подразделений, так и рядовых. В горах в условиях минной опасности при быстро меняющейся обстановке нужно хорошо ориентироваться и уверенно вести бой. Не у всех это получается. А некоторым руководителям спецопераций не хватает опыта в управлении и постановке задач приданной артиллерии.

Хочу заметить, что самое ценное в опыте нашего противника – умение действовать нестандартно, не так, как написано в учебнике. Своих офицеров мы должны в первую очередь учить думать и подходить к решению задач всякий раз по-новому. К сожалению, боевик и в учебник заглядывает, и просто анализирует действия наших войск, а удар наносит именно там, где видит слабость. Поэтому офицеру нужно действовать таким образом, чтобы ввести противника в заблуждение – менять построение боевого порядка подразделений, уметь использовать фактор внезапности.

– **То есть командир должен работать творчески?**

– Именно так. Творческий подход не менее важен при проведении занятий. Офицер должен так организовать учебный процесс, чтобы солдату было интересно. Только тогда в голове у бойца что-то отложится, и время не будет потрачено зря.

Вот элементарный пример: в войсках проводилось боевое слаживание батальонных тактических групп. Управление боевой подготовки обозначило тематику, позволяющие увеличить количество учебных часов на занятия по тактике служебно-боевого применения войск и проводить факультативы не по гражданским, а по военным дисциплинам.

прикрытие маршрута заслонами, выйти на рубеж блокирования и не допустить прохода “бандгруппы”. В то же время разведчикам поставили задачу имитировать действия боевиков по минированию местности и продвижению через рубеж блокирования. Всем выдали холостые патроны: видишь – поражай, докладывай; балду гоняешь – тебя поразят.

Как только люди поняли, что с ними не играют, стали действовать грамотно. А то у нас порой занятия так проходят, словно воевать никто не собирается. Во время проверки, бывает, останавливаешь колонну и говоришь командиру: “Подрыв. Наводчик у тебя убит, один боец ранен в голову, другой – в плечо. Что будешь делать?”. У тех, кто не подготовлен, такая начинается паника, такая неразбериха! Всё потому, что во время учёбы не отрабатывают различные варианты боевой обстановки, не думают об опасности. Солдат занимает позицию так, что явно поймает пулю, а командир взвода не обращает на это внимание. Из-за укрытия боец высовывается всем корпусом, командиру опять дела нет... Вот когда едут в командировку на выполнение задач, тогда начинают приближаться к реальности. Но там уже некогда учиться. Особенно такие проблемы характерны для частей оперативного назначения. Их батальонные тактические группы снова стали направляться в командировки на Кавказ. Спорю нет, с задачами они справляются, но хочется, чтобы результат был выше.

– **Судя по всему, вы не очень довольны уровнем подготовки молодых офицеров, выпускников военных вузов?**

– Я бы так не сказал. Понятно, что всегда есть над чем работать. Но, по отзывам командующих войсками региональных командований, командиров частей и соединений, в войска в последние годы приходят всё более и более толковые молодые лейтенанты.

Дело в том, что уже в процессе обучения курсантов мы стали серьёзнее относиться к вопросам боевой подготовки. Сейчас институты внутренних войск переходят на новые образовательные стандарты, позволяющие увеличить количество учебных часов на занятия по тактике служебно-боевого применения войск и проводить факультативы не по гражданским, а по военным дисциплинам.

Прежний образовательный стандарт по специальности “Юриспруденция” такой возможности не давал. Курсанты зубрили римское право и прочие предметы, которые в войсках им вряд ли пригодились бы. Сейчас вводится специализация “Правовые основы национальной безопасности”. Юридическая направленность сохраняется, но при этом освобождается учебное время для специальных дисциплин, напрямую связанных со спецификой служебно-боевой деятельности будущих офицеров. Соответственно стажировки теперь будут только войсковыми. Начиная со второго курса ребят надо отп-

удбно то, что к нему подключена автоматизированная система контроля за действиями обучаемых. Военнослужащий надевает специальный жилет со встроенными датчиками. При перемещении бойца они передают на пункт управления координаты его местонахождения. То есть подразделение выполняет задачу, а руководитель тренировки видит на экране работу каждого: кто как перемещается, какие использует укрытия, как прицеливается, какие ошибки допускает. Плюс жилеты срабатывают при “поражении”. Если во время занятия кто-то будет “убит”, это тоже зафиксируется на мониторе. Бое-

рвать в части и соединения, чтобы теоретические знания изначально подпитывались практикой. Только так можно подготовить грамотного командира.

– **Технические средства обучения тоже играют немалую роль в подготовке специалистов. Поступают ли в войска новые тренажёры?**

– В Северо-Кавказском региональном командовании сейчас проводится работа по созданию компьютерного тренажёрного учебного комплекса. Это многофункциональный тренажёр, который позволяет отрабатывать упражнения по огневой подготовке и моделировать боевые ситуации.

вой эпизодом потом подробно разобрать и проанализировать ошибки.

Такие комплексы планируется создать во всех региональных командованиях и в Отдельной дивизии оперативного назначения. Кроме того, закупаем электронные тир, занимаемся оборудованием компьютерных классов, вводим тренажёр “Профи-4”. Он предназначен для отработки огневых упражнений в составе отделения. Здесь можно моделировать боевые ситуации, причём каждый вид оружия работает по своей баллистике, то есть всё естественно. Хотя, конечно, о “живой” стрельбе на полигоне тоже забывать нельзя – всё-таки работу на тренажёрах на-

до обязательно совмещать с полевой практикой.

В планах – к 2013 году добиться, чтобы в каждой воинской части были тренажёры по индивидуальному обучению стрельбе и вождению, а к 2014 году довести до пятидесяти процентов оснащение войсковых стрельбищ радиоуправляемым оборудованием.

– Товарищ генерал, расскажите, как происходит обмен опы-

том между внутренними войсками и другими силовыми структурами, в том числе зарубежными? У кого вы учитесь?

– Мы учимся на боевых примерах. Учимся у всех, у кого есть интересные наработки. Это и спецназ ФСБ, совместно с которым наши военнослужащие участвуют в спецоперациях, и подразделения МВД, такие, как “Рысь”, “Зубр”. Ежегодно подразделения внутренних войск участву-

ют в соревнованиях разведывательных взводов ВДВ и занимают призовые места, а на некоторых этапах даже опережают десантников. В ходе соревнований тоже происходит обмен опытом.

– Планами боевой подготовки предусмотрено ежегодное проведение учений различного уровня, от ротных до дивизионных. Какие проблемы выявляются в ходе учений?

– Самое сложное – продумать легенду учения. Хорошо, когда динамика изменения обстановки приближена к жизни, вводные, поступающие от руководства, имеют реальный смысл и требуют от соответствующих командиров принятия решений, а все действия и перемещения войск оперативно фиксируются. Контроль за проведением учений в войсках выявил ряд недостатков: документы для проведения учений разрабатывались одними руководителями, а учения проводились другими; тематика учений и штабных тренировок бездумно копировалась из года в год; частные планы заместителей и помощников руководителя учений переписывались с плана начальника и не отражали реальных действий должностного лица; помощниками руководителя учений назначались офицеры с недостаточным уровнем профессиональной подготовки.

Все недостатки были доведены до соответствующих должностных лиц. В помощь командирам воинских частей мы разработали новое представление по проведению командно-штабных и тактических учений, там изложено много методических указаний.

В ближайшее время предстоит подготовка к масштабным стратегическим учениям “Центр-2011”, запланированным на осень. Внутренние войска примут в них участие наряду с Вооружёнными силами. Думаю, что опыт, приобретённый в ходе предстоящих учений, будет для нас тоже очень полезным. Что ни говори, а лучшей академией для солдата остаётся поле.

★
Беседовала
старший лейтенант
Юлия АФАНАСЬЕВА
Фото Виктора БОЛТИКОВА,
Владимира НИКОЛАЙЧУКА,
Сергея КОРЕЦА
из архива редакции

ЭКЗАМЕН НА КРАПОВЫЙ БЕРЕТ СТАНЕТ ЕЩЁ СЛОЖНЕЕ

— Без резиновых сапог вам тут не пройти, — поморщился сержант, встречавший меня на КПП учебного центра горной подготовки. Проведение квалификационных испытаний на право ношения крапового берета совпало здесь с буйством адыгейской стихии, когда в соседних станциях от затяжных ливней реки выходили из берегов.

К счастью, наводнение обошло горный центр стороной — только дороги развезло, куда ни ступи — непролазная грязь. Без резиновых сапог действительно пришлось туго. Один путь к полевому лагерю превратился в самое настоящее болото, другой — по травянистому склону — внулал хоть какой-то оптимизм... Сырая трава по пояс. Шаги по глинистой тропе. Непрекращающийся,

вопреки прогнозам, ливень... Наконец палатка, горячий чай и блаженное тепло потрескивающих в печке дров.

В соседней палатке председатель совета «краповиков» полковник Игорь Медведев проводит инструктаж с судьями предстоящих испытаний. Сдавать экзамен на берет в «Ахметовскую» прибыли 72 спецназовца из частей Северо-Кавказского регионального командования. В их числе оказались и бойцы хабаровского отряда «Тайфун», который в это время выполнял боевые задачи на Северном Кавказе. Предварительные тесты — бег на 3 километра, стометровка, подтягивание и акробатика — успешно прошли 57 человек.

На мой вопрос: «Не отменят ли испытания из-за ливня?» — Игорь Николаевич удивился: «А чем вам погода не нравится? Сдача состоится при любых обстоятельствах!» — и продолжил на-

путствовать инструкторов-«краповиков», которым предстояло оценивать участников:

— Краповый берет — это наша гордость, это наш войсковой символ. Здесь мы должны выявить самых достойных, но при этом не покаречить людей. Внимательно следите за состоянием участников квалификационных испытаний. Если видите, что претендент не справляется, снимайте его с дистанции — пусть нормально подготовится, а не умирает на трассе. Подъем назначая на 4.30. Построение в 6.00.

Священник Павел из храма станции Ахметовская вечером обходит палатки — благословляет бойцов, окропляет святой водой амуницию и оружие.

— Из-за дождя бежать будет нелегко, — настраивает товарищей двадцатилетний «краповик» прапорщик Иван Ерёмченко из Минеральных

Вод — будет сколько, будет тяжело, но вы должны терпеть и не сдаваться.

— По-любому надо выдержать все этапы, — соглашается старший разведчик-пулемётчик Сергей Пуресин, — хотя страшновато, конечно: вдруг не справлюсь. — Крепкий весельчак, в ночь перед испытанием он немного волнуется. Не спится от томительного ожидания.

Махровые шапки гор ещё не освободились от синей ночной дымки, а полевой лагерь уже встрепенулся. Обливание водой, лёгкий завтрак, обязательный медосмотр, построение... Дождь сменился густым туманом, а в утреннем воздухе разлилась приятная свежесть.

— Бегом — марш! — командует инструктор. Спецназовцы в бронежилетах, касках, с автоматами срываются с места. Моя задача — запечатлеть все этапы квалификационного испытания фотоаппаратом и видеокамерой. Со мной коллеги-журналисты из пресс-службы Северо-Кавказского регионального командования и операторы армавирского телевидения. Бежим в хвосте, но стараемся не отставать от участников испытаний. Спуск от лагеря в низину даётся нам более или менее легко, хотя уже на первом километре бойцы начинают постепенно отрываться.

Ещё километр подъёма в гору, и дышать становится всё тяжелее и тяжелее. Ноги наливаются свинцом, не слушаются. Участники испытаний тоже начинают снижать скорость. Каменистая дорога заканчивается, сворачиваем к склону, поросшему высокой травой. Ныржаем вслед за спецназовцами в заросли. Ботинки моментально наполняются холодной водой: многодневные ливни сделали своё дело, здесь не просто сыро — настоящая водная претрада, бежим по колено в воде. Под подошвами чавкают лужи. То тут, то там взлетают сигнальные ракеты.

Поступает вводная — эвакуировать раненых с поля боя. Бойцы разделяются на пары и по очереди перетаскивают друг друга, пробираясь по грязи. Подниматься по узкой горной тропке — дело непростое, ботинки скользят, съезжают вниз, как зимой с ледяного склона. На пути ещё одна лужа. И откуда она только взялась! Хочу пробежать стороной, там оказывается ещё глубже — просто напасть! От холода на какое-то время замирает дыхание — воды почти по пояс.

Пока я, замешкавшись, пытаюсь вернуться к основной группе, участникам испытаний дают новую команду: автоматы за спину и гусиным шагом всё по той же чавкающей грязи! Отставших более чем на пятьдесят метров снимают с дистанции. Дальше на пути водоём, который нужно прео-

долететь вброд. Здесь главное — не намочить оружие и не растерять экипировку. Уже рукой подать до берега, остаётся всего один уверенный шаг по дну...

Вода струйками стекает с камуфляжа, в мокрой форме бежать ещё тяжелее. «Встать! Бегом — марш!» — кричат инструкторы-«краповики», и, подгоняя бойцов, изо всех сил старающихся победить усталость, растворяются в тумане у подножия Белой скалы.

Нам, журналистам, теперь уж точно за ними не угнаться. Ищем пути обхода. Места вроде бы знакомые — не в первый раз здесь работаем. Помним: был тут рядом ручей, спустившись к которому можно перебраться на противоположный склон, а там недалеко и до вышки, куда должны в итоге прибежать спецназовцы. По сырým тропам соскальзываем вниз, словно на лыжах. А вот и ручей, только после ливней он превратился в полноводную реку — ещё одна водная претрада получилась. Нам бы теперь своё «оружие» сберечь — фото- и видеокамеры, а то течение так и норовит сбить с ног.

Пока окольными путями мы пробираемся к вышке, спецназовцы уже на финише. Ведёт группу не знающий усталости поджарый «краповик» старший лейтенант Дмитрий Михайлов. Деревенский парень, десять лет назад он пришёл служить в спецназ солдатом-срочником. Ботинки моментально берет выдержал с первого раза. Со временем прошёл все ступеньки служебной лестницы, стал командиром группы в отряде спецназа. Когда его назначили на эту ответственную должность, он носил погоны младшего лейтенанта, но несмотря на скромное звание, авторитет молодого офицера в коллективе был необычайно высок. Сослуживцы знали, что он настоящий профессионал. Словом, старший лейтенант Михайлов — достойный пример для военнослужащих, которые сегодня пытаются пополнить элиту спецназа.

Во время марш-броска с трассы сошли немногие. У одного бойца свету ноги всего в нескольких метрах от контрольной точки. К нему, присевшему на обочине горной дороги, тут же подошли медики...

Возле коробки трёхэтажного здания участники испытаний помогают друг другу надеть альпинистское снаряжение. Несколько минут, чтобы перевести дух, и вперёд — на вышку. Начать спуск по верёвке, выстрелить в одно окно из автомата, разбить другое

ногой, а в третьё бросить гранату, после чего завершить спуск, отстегнуть карабин – всё это нужно успеть за 26 секунд.

Старший лейтенант Юрий Дуднов из роты спецназа назрановского оперативного полка счастлив. Норматив на высоте он выполнил успешно – полпути пройдено. Юрий уже в третий раз участвует в сдаче квалификационного экзамена и отступать от своей мечты о краповом берете не собирается.

– Немножко пришлось попотеть во время марша, да и на высоте зубы повредил, а так всё хорошо, – говорит неунывающий офицер и решительно добавляет: – Буду идти до конца.

– Граната!. Прикрываю, пошёл! – то и дело слышится на горно-штурмовой полосе. Звенят под ногами подвесные мосты, смонтированные из металлических труб, бойцы перематывают через шведскую полку, словно парят над землёй, перебираясь по на-

тянутым тросам. По-пластунски, прикрывая друг друга, проползают по опасному участку, где их то и дело обстреливает условный противник. А дальше – по деревянным лентам подвесных мостов над пропастью к стрельбищу.

Стрельба – один из самых ответственных этапов испытаний. Двенадцать секунд даётся на три выстрела. Мишень – две стоящие рядом фигуры: чёрная – боевик, зелёная – заложник. Надо не просто уложиться во время и поразить злодея, но и не задеть жертву.

Приближаются решающие этапы сдачи – акробатика, выполнение приёмов рукопашного боя с оружием и без него, а главное – поединки на ковре друг с другом и с инструкторами. Участникам испытаний, конечно, непросто – после марша и горно-штурмовой полосы они смертельно измотаны, но у “краповиков” инструкторов тоже ответственная

задача. С одной стороны, они должны думать о безопасности своего соперника, не доводить его до потери сознания, а с другой – не допустить собственного поражения в поединке, а то можно и берета лишиться за снижение уровня мастерства.

– Серёга, не сдавайся!

– Молодец! Немного осталося! Держись!

– Работай, Гера, работай!

Спецназовцы азартно болеют за своих сослуживцев, особенно переживают командиры.

Сержант Аксёнов получил мощный удар от соперника, но, сжав зубы и собрав волю в кулак, устоял, не сдавшись. До окончания схватки оставалась всего одна минута, когда офицер квалификационной комиссии принял решение вывести бойца из поединка и передать в руки врачей. Конечно, выдержка и мужество военнослужащего заслуживают похвалы, но здоровье и безопасность здесь всё же важнее.

Для ефрейтора Шлегеля из ростовского отряда “Росич” наконец всё закончилось. “Молодец, немец! Давай улыбнись! В Москве тебя покажут!” – Ликующие товарищи выносят своего победителя с бойцовского ковра. Поливают водой бритую голову, вытирают кровь с лица. У Алексея есть ещё силы улыбаться: он сейчас по-настоящему счастлив! “Трудно было, но терпеть можно, – тяжело дыша и немного гнуся от забитой в нос ваты, отвечает Алексей, – главное, что желание было выдержать все испытания и победить!”

– Целуй, целуй берет. – Товарищи подсказывают замешкавшемуся от волнения ефрейтору Пуресину, что делать с новеньким головным убором цвета запёкшейся крови, который только что ему вручили перед строем. Припав на одно колено, он, как и положено, целует берет, надевает его и молодцевато выкрикивает: “Служу Российской Федерации и спецназу!” Сергей признаётся, что ещё на первом этапе испытаний была мысль сойти с трассы, но, переборов усталость, он дошёл до финиша и оказался в числе одиннадцати спецназовцев, успешно выдержавших квалификационные испытания.

Сержанту Роману Камашеву заветный берет достался с третьего раза ценной ярлык сняжков и садин на лице. Но он считает, что сняжик – это ерунда по сравнению с той наградой, которую он в итоге заслужил:

– Любoй спецназoвeц мeчтaeт o

берете, потому что это знак мастерства. В спецназе служат настоящие мужчины, и я себя таким считаю.

Особенностью квалификационных испытаний на право ношения крапового берета в этом году стало то, что они проводились в трёх учебных центрах внутренних войск: “Ахметовская” в Краснодарском крае, “Жорновка” под Смоленском и “Булгаково” под Уфой. Но комиссия, принимающая экзамен, была одна: офицеры разведывательного управления ГШ ГКВВ во главе с председателем совета “краповых беретов” полковником Игорем Медведевым переезжали из региона в регион, тщательно проверяя уровень подготовки бойцов спецназа и отслеживая качество выполнения задач на каждом этапе испытаний.

По окончании квалификационных экзаменов в каждом из трёх названных регионов мы встретились с Игорем Николаевичем, чтобы обсудить результаты.

– Товарищ полковник, как вы оцените уровень подготовки военнослужащих, принявших участие в нынешней сдаче?

– В квалификационных испытаниях в общей сложности принял участие 261 военнослужащий. Уже на местах сдачи экзамена после предварительных тестов мы отстранили 26 кандидатов. На марш-броске с дистанции было снято 69 человек, со специальными упражнениями контрольных стрельб не справились 36 военнослужащих, на этапе штурма высотного здания выбыло 42 участника. Одному бойцу не далась акробатика, ещё трое были выбиты в ходе рукопашных схваток. В итоге успешно выдержали квалификационные испытания 75 человек.

Хочу отметить, что уровень подготовки военнослужащих спецподразделений по сравнению с прошлым годом заметно вырос. Проведение экзамена на краповый берет в соответствии с новым Положением подхлестнуло спецназовцев к более серьёзной работе над собой. В дальнейшем мы будем усложнять условия сдачи, повышать требования к кандидатам, разработаем новые варианты упражнений по отовой подготовке и рукопашному бою. Добиться права ношения крапового берета с каждым годом будет всё сложнее, но при этом обладание им станет почётнее. Смысл в том, чтобы спецназовцы равнялись именно на отлично подготовленных военнoслужащих, а не на середнячков.

жащих, а не на середнячков.

– Какие войсковые части вы могли бы особо отметить по итогам прошедших испытаний?

– Лучшее всех показал себя Центр специального назначения ОДОНА. Из шестидесяти его спецназовцев, приехавших в Смоленск, все были допущены к сдаче, и 27 человек стали обладателями краповых беретов. Это лучший результат за всё время существования квалификационного экзамена. Секрет успеха в том, что в ЦСН правильно построена система боевой подготовки. Военнослужащих учат грамотно действовать в самых неожиданных ситуациях, а не натаскивают на какое-то конкретное задание. В ходе проведения квалификационных экзаменов мы иногда меняем последовательность выполнения упражнений – бойцы тех частей, где командиры готовят своих подчинённых к строго определённой последовательности действий, не могут быстро перестроиться. Приведу простой пример. Чем отличается выездная лошадь от дрессированной? Если дрессированную лошадь гонять по кругу

десять раз и останавливать на одном и том же месте, то на одиннадцатый она сама остановится. А выездная остановится десять раз, но если на одиннадцатый ей не дать команду, она пойдёт дальше. Образно говоря, нам нужна не дрессировка, а глубокая подготовка и понимание военнослужащим того, как он должен действовать в тот или иной момент. Нужно не натаскивание, а базовые умения, которые человек в состоянии применить в сложившейся обстановке. Такие навыки даёт правильная методика обучения. Помимо ЦСН отмечу отряд “Росич”. Неплохо показали себя на прошедших испытаниях также спецназовцы из Челябинска и Нижнего Тагила.

– Среди участников испытаний было немало офицеров. Как они проявили себя?

– Парадокс, но офицеры показывают как самые высокие, так и самые низкие результаты. Например, одни офицеры лучше всех испытываемых стреляют и выполняют упражнения на высотном здании, в то время как другие те же самые задания

выполняют хуже всех. Есть определённый контингент командиров, которые считают, что они всё умеют и тренироваться им необязательно... Но физическая и морально-психологическая готовность у офицеров в основном значительно выше, чем у солдат.

– В этот раз несколько “краповиков”-инструкторов утратили право ношения берета. С чем было связано решение совета лишить их спецназовской святыни?

– Со снижением уровня мастерства в ходе рукопашных поединков. Пусть тренируются, восстанавливают форму. В новое Положение о проведении квалификационных испытаний мы ввели существенный пункт – подтверждение права ношения крапового берета. Если спецназовец думает, что, однажды сдав экзамен, можно расслабиться, то он глубоко заблуждается. Подтверждать это почётное право надо ежегодно. Мы, офицеры разведывательного управления, не хотели бы брать на себя роль надзирателей, поэтому ответственность за готовность “краповиков” к выполнению задач возлагаем на командиров

войсковых частей и советы “краповых беретов”. Спецназовского братства никто не отрицает, но если ты настоящий профессионал, будь принципиален и к своим товарищам, и к себе. Надо научиться говорить друзьям правду, пусть и неприятную: “Ты не готов. Прими меры. Не хочешь работать над собой – значит, тебе не место в наших рядах”. Не исключено, что мы будем приезжать в части с внезапными проверками и тестировать “краповиков”, невзирая на должности и звания. Краповый берет остаётся символом профессионализма, и давать послабления людям, которые перестали соответствовать этому высокому званию, неправильно.

– В нынешнем году начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Сергей Николаевич Куцов тоже стал обладателем крапового берета. Расскажите, пожалуйста, как это произошло.

– Традиция такова, что советы “краповиков” вручают береты тем военнослужащим, которые получили тяжёлые ранения. О краповом берете мечтает каждый спецназовец внутренних войск. И если человек, успешно выполнив боевую задачу, потерял здоровье, мы не должны ставить крест

на его мечте.

Сергей Николаевич Куцов всегда служил в спецназе, был неоднократно ранен. Во внутренние войска он перевёлся уже умудрённым опытом профессионалом и в силу возраста не имел возможности принимать участие в квалификационных испытаниях. Но у нас есть отзывы о нём не как о начальнике, а как о бойце спецназа ГРУ. Его боевые награды свидетельствуют о многочисленных эпизодах, в которых Сергей Николаевич проявил себя как отважный человек и грамотный офицер. Мы знаем, как ещё в Афганистане капитан Куцов в одиночку прикрывал эвакуацию экипажа подбитого вертолёт. Знали, как в другой раз он сам чудом выбрался из горящего вертолёт, спас полуживого товарища и отразил попытку душманов захватить их в плен. И таких моментов в его биографии было немало.

Что касается современного спецназа войск правопорядка, то можно смело сказать, что во многом он родное дитёnce генерала Куцова. Под руководством Сергея Николаевича силы специального назначения внутренних войск вышли на новый уровень своего развития и продолжают совершенствоваться.

Инициатива вручения крапового берета начальнику разведывательного управления исходила снизу, от советов “краповиков” войсковых частей. Совет военнослужащих внутренних войск, имеющих право ношения крапового берета, принял официальное решение о вручении особого знака отличия генералу Куцову в соответствии с Положением о краповом берете. Когда это решение было доведено до Сергея Николаевича, он долго не соглашался, уверяя нас, что уважает традиции сдачи квалификационного экзамена и не примет берет без участия в испытаниях. Но мы настояли на своём – решение принято, и он не имеет права отменять мнение коллектива. А коллектив “краповиков” признаёт его и приглашает в свой круг.

– Какие выводы вы сделали, проанализировав результаты нынешних квалификационных испытаний? Что, по вашему мнению, нужно учитывать при проведении следующей сдачи?

– Очевидно, что мы на правильном пути. Краповый берет для бойцов спецназа – мощный стимул подготовки. Это главное. Следующая сдача состоится в сентябре, и планируем

есть проводить её так же – по регионам: в Краснодарском крае, Смоленске, Новосибирске. Практика показала, что собирать всех спецназовцев в одном месте нецелесообразно: военнослужащих отрывают от выполнения задач, смена часовых поясов отражается на физическом состоянии людей. А так и участникам испытаний удобнее, и у нас, принимающих экзамен, появляется возможность более внимательно и дотошно подойти к проверке кандидатов. Комиссия при этом останется единой для всех регионов – принцип объективности имеет первостепенное значение. Ещё один принцип – безопасность испытуемых. Некоторые военнослужащие, возможно, затаили обиду, что их сняли с того или иного этапа испытаний. В надежде пересилить себя они порой не понимают, чем для них это может закончиться. Готовиться к участию в квалификационных испытаниях следует очень серьёзно. Упомянуть на удачу здесь не стоит. Нам не нужны “краповики”-инвалиды, искалеченные в ходе испытаний. Уровень нагрузки должен быть высоким, но в

рамках разумного.

Со временем в программе экзамена на право ношения крапового берета, возможно, появятся новые элементы, отражающие современную специфику выполнения служебно-боевых задач подразделениями специального назначения. Оперативная обстановка в регионах, где работают наши военнослужащие, меняется – соответственно и тактика перестраивается, и в боевую подготовку вносятся коррективы. Безусловно, все изменения будут согласованы с советами “краповых беретов” на местах. Квалификационные испытания – это не шоу для зевак, а экзамен на профессиональную зрелость бойца спецназа, проверка специальных навыков, которые необходимы ему при выполнении боевых задач. Есть задумка сделать сдачу на берет более интересной для профессионалов спецназа и более закрытой для широкой публики.

Юлия ЗАГОРСКАЯ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА,
Виктора БОЛТИКОВА,

ЗЕЛЁНЫЕ БЕРЕТЫ: ВЫЖИТЬ И ПОБЕДИТЬ!

— **П**одними голы! Ты же слезь, когда вниз смотришь! — подгоняет бойца Герой России подполковник Алексей Фомин. Он, начальник разведки Отдельной дивизии оперативного назначения, проводит в соединении квалификационные испытания на право ношения зелёного берета. Традиция эта существует давно, хотя официального Положения об отличительном знаке разведчика внутренних войск долгое время не существовало. Сейчас оно разработано и находится на рассмотрении в Министерстве внутренних дел.

Солдаты и офицеры, изъявившие желание участвовать в сдаче,

сначала прошли предварительный этап квалификационного экзамена: сдавали нормативы по физической подготовке и РХБ защите, выполняли задания по топографии, отвечали на вопросы по тактико-техническим характеристикам оружия, демонстрировали свои умения управлять с альпинистским снаряжением и оказывать первую медицинскую помощь раненым. Кроме того, в соответствии с новым Положением в программу испытаний была включена проверка знаний руководящих документов по служебно-боевой деятельности разведывательных подразделений, а также вопросы инженерной подготовки. В итоге из семидесяти претендентов к первому этапу основного экзамена — марш-броску по пересечённой местности — было допущено 38 человек.

Каждый этап сдачи обусловлен реальными боевыми задачами, которые разведчики внутренних войск выполняют на Северном Кавказе. И последовательность этапов не случайна. Пятикилометровый марш по лесу имитирует выдвижение разведподразделений в район выполнения боевых задач. Далее — двухчасовой поиск объектов по указанным координатам в лесном массиве площадью 4 на 5 километров. Навыки ориентирования чрезвычайно важны на практике при

поиске бандитских баз и схронов. После — доклад о найденных объектах по средствам связи и снова бегом по тропам, холмам и оврагам. Этот этап имитирует преследование незаконных вооружённых формирований с учебным боем, реальным штурмом высот и преодолением водной преграды. Ещё дальше — полоса препятствий на полигоне в деревне Новая, десантирование с вертолётки, проверка оружия, выполнение специальных упражнений: контрольных стрельб, снаряжение магазинов на время, развёр-

тывание наблюдательного поста, акробатика и традиционная рукопашка — когда у разведчика заканчиваются боеприпасы, приходится брать противника голыми руками.

— Наша задача — не угробить бойца на испытаниях, а проверить, способен ли человек заставить себя сделать то, что прежде казалось невозможным, — поясняет подполковник Фомин. Кто-то, а он знает, что не бывает ничего невозможного. Но и на чудеса надеяться не стоит. Залог успеха — в изнурительной ежедневной подготовке. Сам Алек-

сей Юрьевич каждое утро начинает с 20-километровой пробежки и не пропускает ни одной сдачи на бег — всегда ведёт испытуемых за собой.

— Не видно задора! — Фомин подбадривает участников испытаний.

— Слава разведке! Разведке слава! — отвечают бойцы, только что преодолевшие препятствия бегом, ползком и кувырком.

Всегда уважительный и терпимый к подчинённым, на стрельбище подполковник возмущён и даже

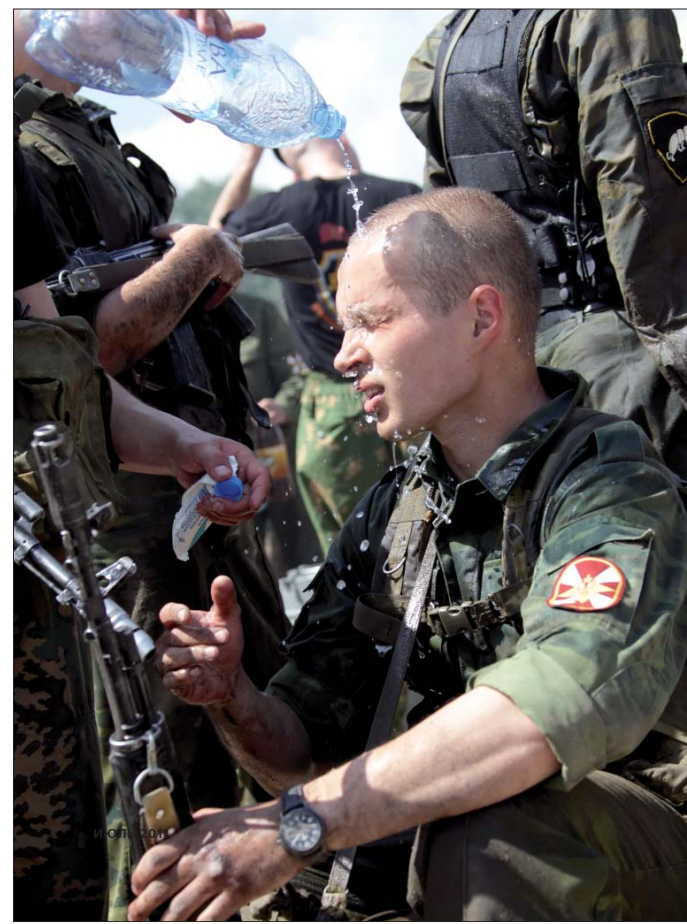
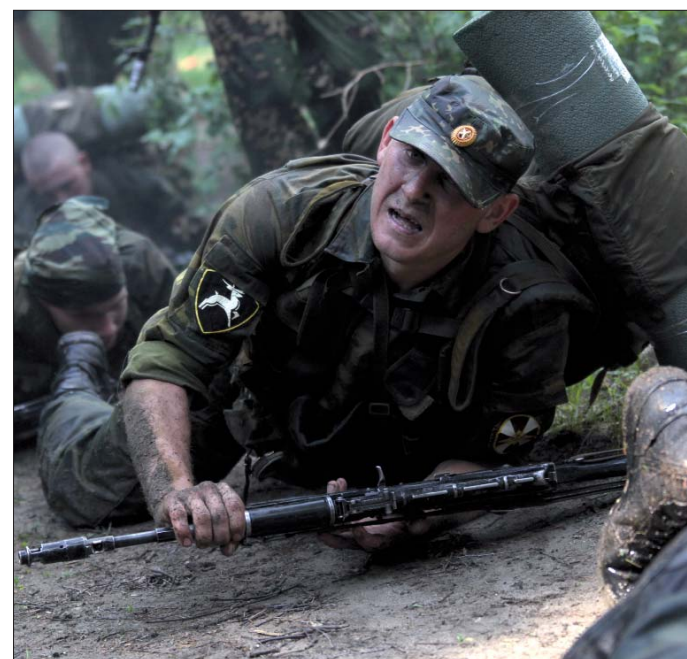

рассержен. Некоторым бойцам в ходе марш-броска не удалось сохранить оружие готовым к бою. В итоге автоматы не сработали, мишени не поражены, а кандидаты сняты с испытаний.

— Оружие — это ваше всё! Когда идёте на задачу, не паёк с собой брать надо, а боеприпасы. Сами можете не умываться, а оружие чистить и ещё раз чистить, чтобы оно не подводило. Неужели непонятно?!

Новое для разведчиков испытание в программе квалификационного экзамена — оборудование наблюдательного поста. Измотанные маршем, поиском и штурмовой полосой, участники должны вырыть окоп, выложить бруствер, занять позиции, замаскировать их. И всё это на время.

Александр Слабину по прозвищу Француз будет что рассказать друзьям с гражданки. Через несколько дней его служба заканчивается, и сдача на зелёный берет как последний аккорд. Александр вырос во Франции, куда много лет назад эмигрировали его родители, но

сам он считает себя русским во всех отношениях. Чтобы отслужить своей родине, он взял академотпуск в парижском вузе и приехал к бабушке и дедушке в Кемерово, откуда и призвался в ОДОН.

Взбираясь на Лисью гору, Александр, валится как подкошенный и не сдерживает крика — свело ноги.

— Иголка есть? — спрашивает инструктор.

— Есть.

— Потерпи. Немного осталось. Давай через не могу!

Возможно, сдача на зелёный берет менее зрелищна и привлекательна для зрителей и прессы, зато более интересна для профессионалов и изнурительна для участников, которые должны и бежать, и думать, и читать топографические карты, и обращаться с техникой, и владеть различными видами оружия.

— Я бы ещё включил в программу экзамена управление транспортными средствами: автомобилем, бронетранспортером, мотоциклом, — высказывает своё мнение по поводу квалификационных испытаний офицер разведывательного управления ГШ ГКВВ подполковник Алексей Тарасенко. — Однажды во время поиска мы забрали настолько далеко, что выбираться пришлось на трофейном грузовике. Надо учитывать, что штатный водитель-наводчик непосредственно в район выполнения служебно-боевых задач не выходит, а командир, который должен уметь всё, может быть ранен или убит. Кому тогда вести трофейную машину, на которой можно, например, эвакуировать раненых? Бойцы-разведчики должны быть универсалами, чтобы при необходимости заменить друг друга.

В разведке служат люди особого склада — неумолимые работяги войны. Такие профессионалы — штучный продукт, потому и неудивительно, что дошли до конца испытаний лишь трое бойцов, следовавших девизу разведчиков: «Победить и выжить, чтобы победить вновь!»

Старший лейтенант
Юлия АФАНАСЬЕВА
Фото Виктора БОЛТИКОВА,
Сергея КОРЕЦ,
Владимира НИКОЛАЙЧУКА

В ЦАРСТВЕ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ

Оказавшись под полуметровым слоем снега, ощущаешь себя заживо погребённым. Перед глазами кромешная тьма, запас воздуха стремительно тает. Придавленный неподъёмной тяжестью, ты не в силах даже пошевелиться.

Осознание собственного бессилия мучительнее любой пытки. Время неумолимо приближает страшную развязку. Уповать приходится лишь на своих товарищей, которые там, наверху, словно сапёры на сплошном разминировании, прощупывают специальными щупами каждую пядь холодной безжизненной массы. Помочь им обнаружить

себя я не могу. Звать на помощь бесполезно. Даже самый истошный вопль шансов вырваться из снежного плена не имеет. Зато сжечь во время крика остатки кислорода проще простого...

И всё-таки связь с внешним миром есть. Хотя и односторонняя. Всё, что происходит прямо над тобой, слышно отчётливо. Когда лю-

ди рядом, можно даже разобрать, о чём они говорят и куда направляются. Звуки становятся глуше, значит, спасатели отходят в сторону. Наступает полная тишина. Ожидание тягостно. Но вот тяжёлые шаги снова приближаются, снег скрипит прямо над головой. В следующее мгновение лавинный зонд ударил в плечо. Всё, круг поиска сомкнулся. Испытываю невыразимую радость — меня нашли!

Испытание, которое мне довелось пережить, — лишь небольшой эпизод занятий с участниками учебно-тренировочного сбора по ски-

альпинизму, горнолыжной подготовке и повышению квалификации инструкторов горной подготовки внутренних войск.

Горнолыжный этап в обучении инструкторов горной подготовки есть только у военных. Это не дань моде, а жизненная необходимость. Среди задач, которые в ближайшее время предстоит решать солдатам правопорядка, особое место занимает Сочинская Олимпиада 2014 года. И дело здесь не только в масштабах самого мероприятия. Но ещё и в уникальности места его проведения. Многие спортивные объекты возводятся рядом со знаменитым курортом Красная Поляна, расположенным всего в пятнадцати километрах от Главного Кав-

казского хребта. Его вершины и многие перевалы находятся в зоне вечных снегов. Зимний сезон здесь длится с ноября по июнь. Ещё один фактор, который нельзя сбрасывать со счёта, — до государственной границы с Грузией всего-то дюжина километров.

Очевидно, что решать служебно-боевые задачи в этих условиях без специальной подготовки невозможно. Цель у участников "лыжного сбора" была непростая: им предстояло пройти путь от первого знакомства с новым для себя снаряжением до получения твёрдых навыков передвижения по неподготовленным снежным склонам и перевалам, научиться организовывать лагерь в высокогорье, а также проводить поисковые и спасательные работы.

Планы были настолько грандиозными, что поначалу я даже засом-

невался в реальности их выполнения. Сомнениями поделился с руководителем учебно-тренировочного сбора старшим офицером управления боевой подготовки Северо-Кавказского регионального командования внутренних войск подполковником Олегом Безруких:

– На всё про всё три недели. Хватит ли времени?

– Вполне. – В голосе подполковника не было и тени сомнения. – Офицеры и прапорщики прибывают сюда, уже имея третий или даже второй разряд по альпинизму, то есть владеют базовыми навыками действий в горах, имеют необходимый уровень общей физподготовки.

Благодаря удачному выбору места проведения сбора, учебное время используем полностью, вне зависимости от капризов погоды. В окрестностях Домбайской поляны на площади всего в несколько квадратных километров можно встретить самые разные виды рельефа. Между высшей точкой, вершиной Домбай-Ульген высотой 4047 метров, и устьем реки Амнауз почти трёхкилометровый перепад. Идеальные горнолыжные трассы перемежаются со снежной целиной, а обдуваемые всеми ветрами безжизненные скалы соседствуют с ущельями, заросшими непроходимым лесом. Даже в случае самого лютого ненастья мы не прекращаем занятия, а лишь изменяем тему и место их проведения.

Увиденное мной в этом царстве Снежной королевы лишь подтвер-

дило слова подполковника. Впрочем, обо всём по порядку.

Ски-альпинизм в переводе с английского означает "лыжный альпинизм". Понятия на первый взгляд вроде бы несовместимые. Но только на первый. Ски-альпинизм как спорт и ски-туризм как его более массовое проявление существуют в альпийских странах уже десятки

лет. Главное отличие от остальных лыжных видов спорта заключается в попеременном использовании альпинистской и горнолыжной техники.

Символично, что началом этого движения в России считается апрель 1999 года. Тогда, в канун двухсотлетнего юбилея перехода армии Суворова через Альпы, энтузиасты решили почтить память русских воинов, пройдя по пути великого полководца. Как рассказал самый молодой участник того похода, а ныне тренер учебного сбора, мастер спорта и чемпион России по ски-альпинизму Юрий Курганов, использование ски-туровского снаряжения позволило их группе без особых усилий пройти по маршруту суворовских чудо-богатырей. Даже на преодоление самой сложной преграды – перевала Паникс был потрачен лишь один световой день.

С особенностями этой удивительной амуниции меня познакомил представитель Центра специального назначения ОДОНа внутренних войск майор Сергей Маткин. На собственном опыте ему довелось убедиться в том, что при совершении маршей в условиях высокогорья у этого снаряжения просто нет альтернативы. Если подняться на снежную вершину можно и при помощи снегоступов, то быстро сменить позицию или вовсе уйти

из-под огня противника можно только на лыжах. Там, где на марш в пешем порядке необходимо три-четыре дня, ски-альпинисту потребуется всего лишь несколько часов. Опыт зимних перевальных походов говорит о том, что уже на вторые сутки пути даже самая качественная кожаная обувь безнадежно отсыревает. Возможность просушить её есть далеко не всегда. Ски-туровский же ботинок изготовлен из пластмассы, что само по себе уже говорит о его неприхотливости. В то же время так называемый внутренний сапог, состоящий из плотного синтетического материала, в случае намокания высыхает за одну ночь даже в палатке или в спальном мешке своего хозяина.

История диковинного снаряжения подтверждает давнее правило о том, что всё новое – хорошо забытое старое. Главная ски-альпинистская изюминка – камус, в переводе с языка саамов, коренных жителей Скандинавского полуострова, означает "оленья шкура". Закреплённая намертво на скользящей поверхности лыж, она не давала скатываться назад при преодолении крутых подъёмов. Сегодня вместо шкур используется синтетическая лента, которая крепится на лыжи и снимается с них в течение считанных се-

кунд. Положение ботинок регулируется для выполнения самых разных задач – от длительного монотонного восхождения до скоростного спуска.

Использование ски-туровского снаряжения, благодаря всем вышеперечисленным его достоинствам, должно помочь нашим бойцам быть в снежном высокогорье на

шаг впереди и на голову выше противника.

После того как участники сбора овладели техникой движения на лыжах, учебные места переместились из пологого Алибекского ущелья на склоны горы Муса-Ачитара. Пришло время освоения премудростей горнолыжных спусков и подъёмов на камусах. Начав с укатанных туристами трасс, альпинисты постепенно перебрались на целинные скаты. Здесь основное внимание уделялось преодолению всевозможных естественных препятствий – трамплинов, ям и скрывающихся под снегом скальных выступов.

Из общей массы лыжников военные выделялись не только своей формой. В отличие от большинства туристов они съезжали вниз и поднимались по склону своим ходом до скрытой в облаках вершины. Даже при самом совершенном снаряжении эта монотонная работа требует недюжинной выносливости и терпения. Интенсивность занятий вызывала неподдельное восхищение у многочисленных отдыхающих. Когда же случались перебои с электричеством и гигантский ме-

ханизм канатной дороги превращался в бесполезное нагромождение металла, участники сбора и вовсе безраздельно властвовали на снежных склонах популярного курорта.

Несколько дней было посвящено организации спасательных работ. Такое пристальное внимание к вопросам безопасности не случайно: история войн в горах говорит о том, что количество пострадавших в результате камнепадов, лавин, солнечной активности и дефицита кислорода почти всегда было больше, чем число раненых и убитых в бою.

Зимой в списке факторов, угрожающих человеку, лидируют лавины. Даже при соблюдении всех мер предосторожности стопроцентную

гарантию безопасности никто дать не может. Поэтому инструкторы обучались не только тому, как не попасть в снежную западню, но и как, угодив в неё, сначала не погибнуть самому, а затем выручить товарища. По статистике, вероятность спасения в первые пятнадцать минут составляет девяносто процентов. А вот спустя вторые четверть часа из ста угодивших под снег в живых остаётся уже не более сорока! Быстрота и точность проводимого поиска – основные критерии, от которых зависит спасение. Одна из главных задач заключается в том, чтобы научиться безошибочно, с первого раза определять, какое именно препятствие встретил под снегом лавинный зонд – слой застывшего наста, замёрзший грунт,

осколки льда, лыжи или всё-таки человека.

Занятием, с фрагмента которого я начал свой рассказ, руководил инструктор-методист первой категории Александр Расторгуев. Он подчеркнул, что учебное место, где отрабатывался поиск "пострадавшего", не только даёт необходимые навыки тем, кто его проводит, но имеет и важное воспитательное значение. Эффект, достигаемый тут, намного выше, чем от многочисленных инструктажей и многочасовых лекций, и сохраняется на всю жизнь. После попадания в лавину человек опасность гор воспринимает более остро, можно сказать, на подсознательном уровне.

По эффективности и скрупулёзности отработки учебных вопросов другие занятия были организованы ничуть не хуже. Опытные тренеры детально разбирали все достижения и даже самые незначительные неудачи своих подопечных. Каждый этап неизменно завершался либо экзаменом, либо соревнованиями, на которых нужно было продемонстрировать качество приобретённых навыков. Альпинисты сдавали зачёты по горнолыжной подготовке, участвовали в эстафетных гонках в составе отделений, ночевали среди вечных снегов высокогорья. Однако самый сложный экзамен им пришлось держать в последний учебный день.

Прохождение индивидуального зачётного маршрута потребовало от участников сбора полной самоотдачи. Трасса была не из лёгких и предполагала использование всего набора полученных навыков. Перепад высот составлял около восьмисот метров. Головокружительные подъёмы сменялись крутыми спусками. Относительно пологие участки встречались только на скальном гребне, где лыжи приходилось нести за спиной.

Немало хлопот добавила и погода. С утра неожиданно для всех вместо привычного пушистого снега пошёл дождь, который время от времени превращался в град. Порывистый ветер буквально сбивал с ног. Снежные склоны прямо на глазах покрылись ледяной коркой наста. На склонах самой популярной у туристов горы Муса-Ачитара остались лишь отчаянные смельчаки да люди в военной форме. Их заметаемые метелью силуэты уже в ста метрах от старта были едва различимы. Несмотря на все объективные сложности строгие судьи облажек не делали. И логика у них железная: в горах погода всегда переменчива, а значит, уметь работать в любых, самых непростых условиях – жизненная необходимость. Отклонения от маршрута, нарушение мер безопасности, утеря любого из предметов снаряжения карались штрафными минутами. Даже лидер этой тяжелейшей гонки прапорщик Артур Ильдоров, показавший самый высокий результат, не смог избежать наказания. Экономия времени, на пешем траверсе по скальному гребню он нёс лыжи не в рюкзаке,

а в руках и был оштрафован на целую минуту. В результате сразу переместился с первого на третье место. Победителем же в этой гонке стал рядовой Ильяс Ачабаев, серебряным призёром – прапорщик Дмитрий Давтян.

По итогам экзамена тренерским штабом было принято решение ходатайствовать о присвоении сорока пяти участникам сбора квалификации "ски-альпинист", а восьми военнослужащим, показавшим лучшие результаты, – третьего спортивного разряда.

Подводя итоги сбора, старший тренер Федерации альпинизма России (ФАР) инструктор-методист первой категории Андрей Глебович Швырёв, возглавлявший команду тренеров, отметил высокие темпы освоения войсковыми инструкторами горной подготовки новых для себя высот. Их уровень неуклонно приближается к уровню членов сборной команды войск по ски-альпинизму. В свою очередь, и сами спортсмены не перестают радоваться всё новыми достижениями. В соревнованиях на Кубок Победы, в которых традиционно принимают участие представители разных силовых структур, наши ски-альпинисты уже несколько лет подряд являются абсолютными лидерами. А в этом году они впервые в истории завоевали призовые места и на открытом чемпионате России.

★
**Подполковник
Сергей КОРЕЦ**
Фото автора

ПЕРВЫЙ ОН И В СЛУЖБЕ ПЕРВЫЙ

В последнее воскресенье июля отмечают свой профессиональный праздник те, чья жизнь связана не просто с морем, а с Военно-морским флотом. В том числе – военнослужащие морских частей внутренних войск МВД России. Наш сегодняшний рассказ о буднях хабаровского морского отряда Восточного регионального командования, который на протяжении многих лет является правофланговым во внутренних войсках. Вот и по итогам первого полугодия 2011 года отряд признан лучшим среди всех морских частей войск правопорядка.

В самом Хабаровске, пожалуй, кроме наших, больше никого из моряков и не осталось. Располагавшаяся здесь когда-то Краснознаменная амурская флотилия в ходе армейских реформ приказала долго жить, и теперь в дальневосточной столице на всех торжествах и парадах под гордым Андреевским флагом шествуют лишь моряки 1-го морского отряда внутренних войск.

Матросы, мичманы и офицеры этой части, созданной в 1988 году, первоначально несли службу по охране важных государственных объектов, выполняя специфические задачи. Стратегически значимые железнодорожные мосты на реках Амур, Зея и Тунгуска на протяжении многих лет неспроста находились под наблюдением водолазов и экипажей сторожевых катеров морского дивизиона. Однако в свое время на правительственном уровне было принято решение передать охрану объектов на коммуникациях от внутренних войск другому ведомству. И это обстоятельство поставило будущее войсковых моряков под большое сомнение: слухи о возможном расформировании дивизиона не на шутку тревожили их. Но в итоге хабаровские моряки продолжили службу в войсках правопорядка.

Для них, подлинных мастеров своего дела, нашлась не менее важная для страны работа. В последние годы совместно с сотрудниками органов внутренних дел и рыбоохраны структур моряки хабаровского отряда участвуют в профилактических

мероприятиях по охране биологических ресурсов в акваториях рек Амурского бассейна.

Итоги работы 1-го морского отряда вызывают уважение. Только в прошлом году подчиненные капитана 2 ранга Сергея Петрова за незаконную ловлю рыбы задержали 134 браконьера и 63 плавсредства. В ходе оперативно-профилактической операции «Путина-2010» изъяли 114 браконьерских сетей общей длиной почти 9 километров, 4 единицы огнестрельного и 18 единиц холодного оружия, а также 16 тонн морепродуктов.

Полным ходом идет и боевая учеба хабаровских моряков. Они в обязательном порядке принимают участие в различного рода войсковых и совместных с другими силовыми структурами учениях, постоянно оттачивают свое ратное мастерство на воде и в прибрежных территориях.

Очередной серьезной проверкой их знаний и практических навыков стало недавно прошедшее тактико-специальное учение, во время которого военнослужащие входящего в состав отряда морского дивизиона во главе с исполняющим обязанности командира майором Александром Кондратьевым отрабатывали действия по пресечению терроризма на искусственных гидросооружениях.

На первом этапе учения моряки совершили переход в район выполнения служебно-боевых задач. А на

втором провели ряд специальных мероприятий по противодействию диверсионным силам предполагаемого противника.

Отрабатывая вводную, поставленную руководителем учения, к мосту через Тунгуску выдвинулась группа войсковых водолазов во главе с капитаном 3 ранга Романом Гудалиным. Офицер и его подчиненные погрузились под воду и приступили к обследованию подводной части опор моста, одна из которых, согласно легенде учения, была заминирована диверсантами. Старшие матросы Константин Сыпало, Михаил Данилов, матросы Денис и Артём Панкрац, несмотря на сложные условия – быстрое течение и ограниченную видимость в районе выполнения водолазных работ – с поставленной задачей справились успешно: подводную мину они обнаружили в установленное время.

После этого разминированием опоры занялись моряки из экипажа катера мичмана Александра Пирогова. И тоже оказались на высоте! Уже обезвреженное «взрывное устройство» экипаж осторожно отбуксировал на безопасное расстояние от моста.

А посредники между тем продолжали давать вводные, усложняя учебную обстановку до предела. На реке было обнаружено неизвестное судно. Выйти на перехват нарушителя и задержать его было поручено экипажу катера под командованием мичмана Леонида Ермолаева. С первой частью

задачи моряки внутренних войск справились без особого труда. А вот для того, чтобы догнать и задержать возмутителя спокойствия, пришлось попотеть и проявить всё, чему учились. Но в конце концов судно-нарушитель было настигнуто, грамотно блокировано, задержано и после тщательного досмотра доставлено к командантскому береговому посту, а его экипаж передан в руки сотрудников органов внутренних дел.

По словам начальника морской службы Восточного регионального командования капитана 1 ранга Андрея Шатаева, на которого было возложено общее руководство учением, с поставленными задачами личный состав морского отряда вообще, и его морского дивизиона в частности, справился успешно. Особо Андрей Александрович отметил чёткие и слаженные действия старшего мичмана Юрия Кожухаря, старшего прапорщика Василия Бубликова, мичманов Дениса Гвоздовского, Александра Пирогова, Максима Кривоногова, а также старшего матроса Сергея Житаря и матроса Дениса Зёмкина.

Профессиональное мастерство и практические знания, полученные хабаровскими моряками во время учений, неоднократно помогали им находить единственно правильный

выход из критических ситуаций. В отряде хорошо помнят случай, когда во время несения службы по охране железнодорожного моста у Комсомольска-на-Амуре звено сторожевых катеров под командованием старшего мичмана Александра Сотина спасло шестерых студентов.

Молодые люди только что окончили институт и решили отметить это событие совместной прогулкой на моторной лодке. Всё бы ничего, да только внезапно налетевший шторм (а волны на Амуре достигают порой трёхметровой высоты) вмиг перевернул их утлое судёнышко. На счастье горе-мореходов, рядом оказались моряки внутренних войск, которые и спасли их от неминуемой гибели, а затем доставили на берег целыми и невредимыми. До сих пор спасённые дальневосточники называют тот день вторым днём своего рождения.

Другой случай произошёл с тем же экипажем немного позже, когда сильный шторм сорвал с якорной стоянки 200-тонную баржу. Никем не управляемая, увлекаемая стремительным течением, она неслась на мостовую опору. Столкновение было неизбежно, беда – неотвратима, если бы не быстрая реакция моряков внутренних войск. Мгновенно оценив ситуацию, они тут же начали действовать. Времени у них было в обрез, риск – огромный. Но опять экипажи катеров хабаровского отряда проявили высочайший профессионализм и отменную подготовку. Сторожевой катер рядом с баржей смотрелся как спичечный коробок с корытом, волнами его швыряло и подбрасывало, словно спичку. Однако старший мичман Сотин и его подчинённые в сложнейших условиях сумели-таки пришвартоваться к барже и отбуксировать её в безопасное место...

Вот уже на протяжении многих лет подчинённые капитана 2 ранга Сергея Петрова радуют командование успехами в службе и боевой подготовке, являясь примером для многих воинских частей внутренних войск, расположенных на Дальнем Востоке. А по-другому и быть не может, считают они: ведь 1-й морской отряд на то и первый, чтобы во всём и всегда быть лидером.

★
**Подполковник
Сергей ПОРТНОВ**
Фото лейтенанта
Тараса ВЕРШИНИНА

ДЕЛИКАТНОЕ ПОРУЧЕНИЕ БЫЛЬ

Вторник. 17 часов 30 минут. Я.

Выйдя в коридор, я первым делом убрал поглубже пачку денег и посмотрел на часы: стрелки показывали половину шестого вечера. Как минимум ещё минут сорок мне надо будет изображать из себя здешнего сотрудника, слоняться с деловым видом по этому длинному многоэтажному зданию, рискуя ежеминутно, ежесекундно быть обнаруженным, узнанным... Эх, зачем я так поспешил? Позже надо было, позже! А теперь вот думай, куда податься, чтобы и время убить, и не засветиться.

Вторник. 7 часов 10 минут. Войсковая комендатура по охране ВГО.

Каширин явился на службу намного раньше обычного, однако взводный, заступавший в это утро начальником караула, уже сидел в учебном классе. В руках Демешко была стопка плотных бумажных прямоугольников, которые он неслышно тасовал, словно карты.

— Здорово, Георгий! Как жизнь молодая? — завидев вошедшего, улыбнулся он, протягивая свою огромную богатырскую ручищу.

— Нормально, — отозвался контрактник, сдержанно улыбнувшись в ответ.

— Выспался? К службе готов?

— Так точно, товарищ старший прапорщик.

— Что ж, хорошо. Тогда, будь другом, поставь чайку. Взабродимся перед сменой, пока время есть.

Едва подчинённый, прихватив электрочайник, скрылся за дверью, взводный тут же начал сновистово раскладывать фотографии по столу. Закончив, накрыл их газетой.

Вторник. 17 часов 35 минут. Я.

“Курилки отпадают, там вечно народ толчется... Столовая тоже... Где бы схорониться?..”

Погружённый в эти беспокойные размышления, я вышел на лестничную площадку. У лифта топтались две молодые донельзя серьёзные девушки, по виду студентки-практикантки.

— Куда, в нижнюю столовую или в буфет? — спрашивала одна.

— В столовую. В буфет далеко, и там, кроме кофе с булочками, наверняка ничего нет.

“Точно! В том крыле вряд ли на кого знакомого нарвёшься”.

Едва сдержавшись, чтобы не поблагодарить девушек за неволь-

ную подсказку, я зашел вниз по лестнице. Путь мой лежал в дальнее, глухое крыло здания, где не было режимных зон, а следовательно, и постов от войскового караула.

В буфете и вправду было пусто. Взяв себе двойной эспрессо, я устроился за дальним столиком, спиной к дверям и лицом к плексигласовой стене, неусыпно держа под контролем вход.

Вторник. 7 часов 20 минут. Войсковая комендатура по охране ВГО.

За часом, попутно от души погоняв новичка по табелям постам и обязанностям, взводный удовлетворённо кивнул:

— Молодец, Жора. Можно хоть сейчас в штаб части зачётную ведомость отправлять и к самостоятельной службе тебя допускать. А теперь, дружище, давай-ка с тобой ещё один норматив отработаем. Не против?

— Никак нет.

— Что ж, тогда — вперёд!

Демешко поднял газету — и Каширин уставился на ряд фотоснимков, стараясь запечатлеть в памяти десяток самых разных лиц. Но начкар тут же вновь закрыл их свежим номером дивизионки.

— Стоп, время вышло.

Затем, достав из кармана другую пачку снимков, протянул подчинённому:

— Пятнадцать секунд!

Каширин быстро перебирал фотографии. В отличие от первых, изображённые на них люди были в головных уборах, некоторые — в очках. Прибавилось и усатых-бородатых.

— Э тот... Э тот... И... Вот эти двое... Вроде все, — выдохнул новичок.

— В цвет, брат. Что ж, хвалю. Кстати, помнишь, какую цель этот норматив преследует?

— Так точно, товарищ старший прапорщик. На пропусках люди обычно в костюмах с галстуками фотографируются. А на объект могут прийти в любой одежде, и причёску сменить, и усы отпустить...

— Правильно. А задача часового — за пару секунд распознать, тот ли человек на пропуске или нет. Ладно, — Демешко взглянул на часы. — Сейчас уже народ начнёт на инструктаж подтягиваться. А ты, Жора, перекури пока да повтори ещё те пункты из Временного устава, в каких на прошлой неделе плавал...

Вторник. 18 часов. Я.

С трудом дождавшись, пока стрелки на часах подползут к шести вечера, я неторопливо встал из-за стола и вышел из буфета. Поднявшись на этаж выше, прошёл по длинному коридору, миновал стеклянный переход, связывающий корпус с основным зданием НИИ. Остановился в закуске возле лестницы, где на стене висел телефонный аппарат внутринститутской связи. Ещё раз оглядевшись по сторонам, набрал отпечатавшийся в памяти четырёхзначный номер.

Те мгновения, пока я ждал ответа, показались вечностью. И лишь когда трубку сняли, облегчённо перевёл дух — у телефона оказался тот, кто и был мне нужен.

— Это я, Михалыч...

— Понял уже. Давай...

Я неторопливо двинулся по коридору, дабы выйти к центральной проходной не раньше чем через минут пять. Мне оставалось дойти до очередной лестничной площадки и спуститься на первый этаж.

“Да, всё не так просто... Проникнуть на секретный объект — это только полдела. С него надо ещё выбраться...”

Внизу на КПП размеренно лягзал турникет. Рабочий день заканчивался, и сотрудники начали потихоньку покидать НИИ. Подходили к посту, протягивали караульному закатанный в пластик пропуск и, дождавшись, пока тот нажмёт на педаль вертушки, выходили в холл, исчезая за дверями в фиолетовых сентябрьских сумерках.

Спустившись, я бросил короткий взгляд на кабину часового. Так и есть: на посту находился совсем юный контрактник, очевидно, стажёр. Рядом с ним — немолодой старший прапорщик, взводный здешней комендатуры. “Надо же! Сам начкар часового подменяет!”

Тем временем начальник караула, бросив короткий равнодушный взгляд в мою сторону, повернулся спиной к турникету и вновь начал неторопливо раскладывать по ячейкам пропуска.

“Отлично! Всё в масть!”

Я нащупал в кармане стандартный глянцевый прямоугольник с фотографией и печатью комендатуры. Подойдя к окошку, протянул его часовому.

“Ну всё, кажись, прорвался!”

В следующую секунду я толкнул турникет, но тот оказался заблокированным. Уши резанул взволнованный голос молодого караульного:

— Стойте! Оставляйтесь на месте! — Часовой, обернувшись, с волнением окликнул возмущенного с пропусками начальника: — Товарищ старший прапорщик! Анатолий Михайлович! Тут нарушитель. По чужому пропуску!

— Точно? По чужому? — Начкар с сомнением взял в руки документ, ещё несколько секунд назад находившийся у меня. — Да нет, вроде всё в порядке...

— Нет-нет! Это не он, хоть и похож! Посмотрите повнимательней...

Я с шумом выдохнул и, не удержавшись, слегка пристукнул по турникету от досады:

“Да-а, не мой день сегодня”.

Послесловие

Так получилось, что начало отпуска выпало на середину августа, и я, в первый же день, не дожидаясь зарплат, укатил в деревню, дабы успеть на открытие утиной охоты.

Воротившись в Москву в начале сентября, первым делом позвонил на службу, чтобы узнать, когда мне можно будет получить денежное довольствие за август.

— Деньги твои у коменданта в сейфе, — сообщил мне взводный. — Так что можешь приехать. Как раз наш командир завтра ответственный, до самого вечера на месте будет. Кстати, коль уж ты завтра подскочишь, то, может, пособишь в одном деле?

— Это в каком, Михалыч?

— Да надо тут будет, так сказать, боевое крещение новичку устроить...

План Демешко был прост. Подходил к концу срок стажировки нашего новичка, младшего сержанта Каширина. На будущей неделе ему предстояло сдавать зачёты в штабе части, после которых контрактник будет допущен к самостоятельному несению службы.

Георгий оказался парнем толковым и старательным. Уже к концу первой недели стажировки он на память рисовал образцы всех действующих на объекте пропусков, знал назубок таблицы постам и порядок применения оружия, вник во многие другие тонкости и секреты службы. В общем спустя положенные три недели ему можно было смело, как говорят моряки, доверять штурвал.

Но надо было знать нашего взводного. Службист он был ревностный и помимо обычных регулярных занятий и тактических учений любил дополнительно устроить испытание тому или иному военнослужащему. Вот и теперь он решил провести ещё один, как выражался сам Михалыч, “внеплановые манёвры”. Тем более что обстоятельства сложились один к одному.

Накануне из НИИ уволился сотрудник. И естественно, сдал пропуск, который был действителен до конца года, в комендатуру. Но самое главное, что этот мужик был здорово похож на меня. Демешко даже как-то поинтересовался,

не братом ли он мне приходится. А тут ещё я в эти дни в Москве нарисовался...

Короче, у Михалыча созрел план. Получив “добро” у коменданта, он предложил мне, когда я приеду за деньгами, попытаться выйти с объекта по пропуску того самого уволившегося сотрудника, в тот момент, когда на посту будет находиться Каширин. Причём именно тогда, когда контролёр, у которого в тот день стажировался наш Георгий, отправится ужинать, а на посту его сменит сам начкар. Тем более что новичок пока не знал меня в лицо: он прибыл к нам в комендатуру akurat на следующий день после моего ухода в отпуск.

Вот потому я и попал тогда на объект через запасной КПП, где в тот момент менял часового помощник начальника караула, посвящённый в план Михалыча. А дальше, получив зарплату у коменданта и посидев с полчаса в дальнем буфете, я отправился проверять бдительность нашего нового сослуживца.

И тот не подкачал. Правда, в первую минуту на лице его было написано явное разочарование, как нарушитель оказался условным. И притом не кем-нибудь, а старшим контролёром родной смены прапорщиком Алексеевым.

★
Майор Константин АЛЕКСЕЕВ

Фото Сергея КОРЕЦ

ГЕРОЙ, О КОТОРОМ ЕЩЁ НЕ СКАЗАЛИ

Капитан Олег Тапио... Непривычная для русского слуха финская фамилия, могучая спецназовская фигура, краповый берет, шрамы на лице... Мы познакомились в армавирском отряде специального назначения внутренних войск, где я собирала материал для очерка о павшем в бою капитане Григории Ширяеве, посмертно удостоенном звания Героя России. После гибели Григория Олега назначили на его должность — заместителем командира группы по спецподготовке. В 1999 году они вместе пришли в отряд простыми бойцами-срочниками. Оба издалека: Гриша — с Алтая, Олег — с Урала. Оба

с искренним желанием служить в спецназе.

В февральской спецоперации 2010 года в районе чеченского села Комсомольское, где погиб Ширяев, Тапио командовал взводом. Он первым рванул к Григорию, когда на позиции группы вышли боевики. Тяжело раненный, Олег отстреливался до последнего, прикрывая отход капитана Ширяева, спешившего на помощь другому офицеру, лейтенанту Лутовцу...

Я включаю диктофон, прокручиваю запись, сделанную в армавирской командировке. Звучит ровный, спокойный голос Олега. По моей настойчивой просьбе он рассказывает о февральской опера-

ции, из которой чудом вернулся живым.

— Утром 4 февраля 2010 года мы оборудовали позиции и залегли в кольце оцепления. Первые разрывы я услышал часов в одиннадцать — резкие раскатистые хлопки, вдалеке работал подствольный гранатомёт. Капитан Ширяев стал связываться по станции с уфимским отрядом, который проводил поиск в оцепленном квадрате. Связи не было. Минут через двадцать разрывы прозвучали ближе. Мы залегли в готовности. Ещё через несколько минут разрывы раздались уже за поворотом. Но до конца было непонятно, кто кого и куда гонит.

За два часа до боя.
4 февраля 2010 года

Видимость плохая: туман, дождь со снегом, изморось... Моя позиция находилась на возвышенности. Я отполз немного, чтобы получше осмотреться. Гляжу: в ложину выходит группа. Насчитал 29 человек. Между нами метров двести пятьдесят – триста. Шли кто в чём: кто в масках-латках, кто в "горках", кто просто в куртках. И речь вроде бы русская, издали не понять, но явно с акцентом. В общем, доложил Григорию обстановку, он дал команду выпустить зелёную ракету и быть готовыми к отражению атаки.

Едва мы пустили ракету вдоль высоты, как на нас обрушился просто нереальный шквал огня. Вверх взметнулось всё: и кора, и земля, и фонтаны снега. Не поднимая головы, на вытянутых руках я стал отстреливаться. К нам на позиции бандиты пробраться снизу не могли – мешали обрывы, поваленные деревья, мелкий кустарник и сугробы по поясу...

Связи с капитаном Ширяевым не было, на меня вышел командир отделения сержант Райский (он находился рядом с Григорием), доложил, что снайпер рядовой Селиванов тяжело ранен. Я приказал своему сапёру и гранатомётчику открыть ответный огонь по противнику, а сам ко-

роткими перебежками выдвинулся на правый фланг. Бежал по хребту. Бежал быстро, потому что время было дорого – надо было спасать Селиванова. Бандиты меня заметили и стали лупить из автоматов. Конечно, когда над головой в буквальном смысле свистят пули, летят кора, ветки, земля, ощущение не из приятных, но у нас такая работа, мы её сами выбирали.

Слава богу, добежал. Подобрался к своим – командир отделения Райский цел, пулемётчик Адылов тоже, Гриша живой, а Селиванов лежит без движения. Вся правая нога у него в крови. Я дал команду Райскому открыть огонь, а сам метнулся к Селиванову. Но помочь Стёпке уже было нечем. Очередная волна огня прошла по всему его распластанному телу. До сих пор помню, как у него потухли глаза. Помню последние предсмертные судороги – было видно, что человек цепляется за жизнь...

Меняю позицию, пытаюсь уйти из-под обстрела, чувствую, как по руке пошло тепло, словно горячая вода: пуля попала в кисть. Снимаю перчатку, смотрю – сквозная рана. Первая мысль – как-то надо держать автомат. Не успел об этом подумать, как вторая пуля попадает в голову и застревает между нижней и верхней челюстью. Словно кувалдой по голове дали. Перед глазами всё поплыло, замелькали чёрно-белые деревья. Вдруг слышу: "Папа, пойдём в прятки играть!" И вижу сы-

на своего, Костю. Ему 7 месяцев тогда только исполнилось, а тут он уже совсем большой, бегает. Понимаю, что такого быть не может, что померещилось, но всё равно отвечаю: "Сын, уходи, я тебя найду". И он ушёл... А у меня по лицу кровь струится, глаз заплывает, думаю сначала, что он вообще вытек.

Показываю Грише знаками, мол, уходи. А он ко мне подползает, я ему: "Гриш, ты командир, тебе надо на пункт управления. Там связь, надо подтягивать соседние группы. Здесь уже выбора нет: или мы, или бандиты. Видно, что они пройти не могут и, озверевшие, огрызаются".

Я слышал, как они уходили – капитан Ширяев, сержант Райский и рядовой Адылов. В это время стрельба стихла. Отлежался немного. Вдруг смотрю, метрах в шестидесяти от меня какой-то человек. Он наблюдал за соседней высотой. Как выглядел, уже не скажу. Единственное, что запомнилось – кудри, густая такая шевелюра. Думаю, надо стрелять. Магазин локтем придерживал, голову на приклад положил и одиночным огнём три выстрела сделал. Он упал – сложился, как робот. И наступила тишина. Просто тишина. Словно звук выключили. Ни малейшего шороха – только снег падает и круги перед глазами плывут. Бревно сзади увидел и сам себе стал давать команды, чтобы подползти к нему и укрыться. В этот момент к убитому боевику подбежали

трое. Я на спине лежал – автомат на живот пристроил и из такого положения дал очередь. Двое упали, третий исчез из виду.

Кое-как дополз до бревна, перевалился через него. Кровища течёт. Попрощался уже мысленно и с женой, и с сыном... Прошло ещё минуты две. Чувствую, кто-то ко мне ползёт. Пулемётчик Адылов. Я ему:

– Ты что тут делаешь, я же сказал: уходите!

– Командир, мы тебя не оставим.

– А где Студент (это позывной капитана Ширяева)?

– Он здесь.

С Адыловым и Райским мы заняли круговую оборону. Появился Гриша. Распорол мне ножом маскхалат, жгут наложили, руку обмотали – кровь свернулась уже, голову перевязали. Лейтенант Луговец в тот момент был тоже ранен. Его обстреливали боевики, укрывшиеся в блиндаже под нашими позициями. Гриша рванул туда, вниз. Больше я его не видел...

С Райским и Адыловым мы оставались на месте. Перестрелка продолжалась дотемна. Только вечером к нам подтянулись группы нашего отряда. Наступило облегчение – высоту удержали, теперь можно было и расслабиться. Сознание стало отключаться. Словно сквозь туман, видел, как суетился вокруг меня доктор из уфимского отряда, как рядом лежал раненый Арсен Луговец, как тащили меня на плащ-палатке всю ночь. На рассвете услышал знакомый рёв БТР. Подумал: "Раз донесли, значит, надо потерпеть и попробовать выжить". Потом бронированная "Газель", госпиталь 46-й бригады, надпись "Приёмный покой" и первые операции, аэродром "Северный", московский реанимобиль... В столичных госпиталях мне "собрали" голову, с трудом, но всё же сохранили руку.

В Москве очень помогли возвращаться к жизни братишки из ЦСН ОДОНА. И, конечно, низкий поклон моей супруге Жене. Она у нас в отряде санинструктором служила – мы с ней и познакомились на службе. Никто так не понимает меня и не поддерживает, как она. Дай бог каждому спецназовцу такую жену. Она знает, что работа, служба – это всё для меня, без отряда я не представляю своей жизни и ни на что его не променяю. Здесь я начинал, здесь мне и заканчивать.

* * *

Капитан Тапио представлен к ордену Мужества. Хочется верить, что в ближайшее время подвиг офицера будет отмечен. Службой в спецназе Олег дорожит больше всего на свете. Не из-за того, что она даёт ему какие-то привилегии. Ведь за всё это время он получил не так уж и много – краповый берет, офицерское звание, два тяжёлых ранения, которые постоянно напомина-

ют о себе... Просто здесь, в спецназовском строю, среди таких же отчаянных парней, готовых беззаветно служить Родине, его место.

Место Олега Тапио, отважного русского человека с финской фамилией.

★
**Старший лейтенант
Юлия АФАНАСЬЕВА**
Фото автора и из архива
армавирского отряда

ДЛЯ НАС – ИСТОРИЯ, ДЛЯ НИХ – ЖИЗНЬ

Для двух патриархов войсковой журналистики, участников Великой Отечественной войны Илья Григорьевича Беликова и Владимира Васильевича Журавлёва нынешний июль – девятый.

Они оба были призваны во внутреннее войско в предвоенном 1940 году, оба попали служить в прославленную дивизию имени Ф.Дзержинского. Илья Григорьевич стал заместителем политука отдельной автороты, проработал в комсомольских организациях тринадцать лет, последние шесть из которых возглавлял комсомол внутренних войск. А Владимир Васильевич в преддверии Великой Отечественной войны стал командиром сапёрного отделения, потом взводным и,

наконец, вырос в родном батальоне до начальника штаба.

Их пути-дороги долгие годы проходили рядом или пересекались. Политотдел дивизии, Главное управление внутренних войск, журнал «На боевом посту» – места их совместной службы, которая, как говорят ветераны, не обходилась без синяков и шишек.

Илья Григорьевич Беликов уволился в запас в 1976-м генерал-майором, заместителем начальника политуправления внутренних войск. Заслуженный работник культуры РСФСР полковник Владимир Васильевич Журавлёв оставил службу годом позже, будучи ответственным секретарём нашего журнала.

Мало кто из журналистов внутренних войск так ёмко и всесторонне писал об участии войск НКВД в

борьбе с фашизмом, ликвидации националистических банд в 40-50-е годы, конвойной службе солдат и офицеров в послевоенные годы, как это делали в своё время наши ветераны.

Присоединяясь к многочисленным поздравлениям в адрес юбиляров, мы хотим ещё раз рассказать о них читателям войскового журнала. Тем более что в последние годы Илья Григорьевич и Владимир Васильевич всё реже встречаются с молодыми офицерами и не могут сами поведать о своём нелёгком, но интересном жизненном пути.

У них схожие во многом судьбы. Родились в крестьянских семьях с разницей в пять дней: Владимир Ва-

сильевич – 23 июля 1921 года в Ивановской области, а Илья Григорьевич 28 июля – под Костромой. Образование получили в сельских школах. В одной из них Илья Григорьевич после окончания техникума в 1938 году успел два года поработать учителем русского языка и литературы. В 1940 году и Беликов, и Журавлёв надели солдатскую шинель.

В том же году публикации красноармейцев Беликова и Журавлёва появились в многотиражной газете ОМСДОНа «На боевом посту». Но это не было пробой пера: ещё до призыва они получили первый опыт журналистской работы в районных газетах.

22 июня 1941 года в дивизии им. Ф.Дзержинского должен был состояться военно-спортивный праздник, посвящённый 17-й годовщине соединения. Дзержинцы основательно готовились к нему. Накануне прошла генеральная репетиция. Но утром была объявлена боевая тревога – началась война. Беликов и Журавлёв в это время находились в Москве, в составе своих подразделений принимали участие в её подготовке к обороне. Илья Григорьевич нёс службу по поддержанию режима осажденного положения, охраняя общественный порядок в городе. Рота, где служил Владимир Васильевич, минировала танкоопасные направления, строила командные пункты, дороги и мосты.

К началу ноября защитникам Москвы ценой величайших усилий удалось остановить врага. Немцы застряли под Вязьмой и топтались на месте. Относительное затишье во фронтовом Подмоскovie позволило советскому правительству и военному руководству провести традиционные мероприятия, посвящённые 24-й годовщине Великого Октября. В том числе и военный парад на Красной площади.

– Мало кто верил, что в сложившейся обстановке мы будем торжественно отмечать 7 ноября, – вспоминает Владимир Васильевич. – Когда об этом заходила речь, невольно думалось: «Какое торжественное заседание? Какой военный парад? Ведь враг у ворот столицы!»

Сапёры-дзержинцы, среди которых был и Журавлёв, в те дни соорудили командный пункт в районе Кузьково. Когда работы приближались к концу, их вдруг сняли со строительства и возвратили в казармы. Командиры построили бойцов по-

ротно и, как в былые времена, начались занятия по строевой подготовке: тянули носок, держали равнение, выполняли одиночное прохождение и в составе шеренг. И так с утра до вечера. Солдатам до последнего не верилось: неужели их и вправду готовят к параду?

Лишь ранним утром 7 ноября стало точно известно, что дзержинцы примут участие в прохождении по Красной площади.

– В тот день сыграли подъём в четыре утра, – продолжает вспоминать Журавлёв. – Накормили, напоили чаем. Личный состав построили с оружием, боеприпасами, с вещевыми мешками за плечами. Всех тщательно осмотрели. И – по машинам. Высадили у Покровских казарм и пешим порядком – на Красную площадь. Теперь уж точно мы знали: идём на военный парад. Вдуматься только: парад под самым носом у врага, в прифронтовом городе! Дерзкий вызов, презрение и оплеуха гитлеровским захватчикам.

Владимира Васильевича прямо-таки распирало от гордости. Как же, ему, простому деревенскому паренку, доверили участвовать в параде. Да ещё в каком! А потому он и шагал бодро и молодцевато.

Его, как и всех находившихся в тот день на Красной площади, необычайно вдохновила речь Верховного главнокомандующего И.В. Сталина, особенно слова об историческом значении этого парада.

– Когда парад подошёл к концу, с нами произошло изумительное: исчезли тревога и беспокойство, появилась полная уверенность – Москву отстоим! Это был момент подъёма народного духа. Столь торжественное событие воодушевило на борьбу с врагом! – говорит ветеран.

Однако самым ярким и памятным событием не только службы, но и всей своей жизни для Владимира Васильевича Журавлёва стал Парад Победы 24 июня 1945 года, участником которого ему тоже посчастливилось стать.

Парад тот многократно описан, заснят на плёнку. И величественный маршал Жуков на белом коне, и сопровождавший его при объезде войск неотразимый красавец Рокоссовский.

Но Журавлёву особо запомнился момент, когда после прохождения под музыку по Красной площади одиннадцати сводных полков тысячетрубный оркестр вдруг смолк и

вокруг на минуту воцарилась тишина.

– Вдруг начали бить барабаны, – вспоминает Владимир Васильевич. – Одни барабаны. Восемьдесят барабанов выстукивали сухую дробь, гулко, резко, сильно. Кажется, что даже брусчатка гремела в такт этим звукам. В старину под такую дробь казнили особо опасных государственных преступников. Аналогия очевидна – сейчас произойдёт «казнь» нацистских знамён, являющихся символами германской военщины.

Поравнявшись с мавзолеем, сводный батальон под командованием офицера дивизии им. Ф.Дзержинского старшего лейтенанта Дмитрия Вовка, с ходу повернул направо и стал приближаться фронтом к нему. Дистанция между стройными рядами батальона и гранитной громадой мавзолея быстро сокращалась. Вот первая шеренга уже у заданного рубежа. Командир делает взмах сверкающей пашкой, и неприятельские стяги летят на специально установленный помост. Первым рухнул штандарт с надписью «Адольф Гитлер», брошенный дзержинцем старшим сержантом Фёдором Легкошкурком.

Рассказывая об этом, Владимир Васильевич не раз подчёркивал, что лично хорошо знал многих из тех, кто бросал к мавзолею вражеские знамёна. Дружеские отношения связывали его и с командиром сводного батальона Дмитрием Вовком, и с правофланговым первой шеренги Фёдором Легкошкурком, который, оказавшись, лишь после долгих уговоров согласился швырнуть к мавзолею гитлеровский штандарт (многие солдаты тогда просто брезговали брать в руки фашистские стяги).

Беззаветную преданность Родине, стремление бойцов попасть на передовую, чтобы бить врага и освободить страну от фашистов, всю войну доносили до читателей «Красной звезды», окружных и фронтовых газет заметки, корреспонденции, зарисовки и очерки военкоров. В их числе были Беликов и Журавлёв.

Всю войну и последующие годы Илья Григорьевич Беликов находился на комсомольской работе. В 1949 году его избрали делегатом XI съезда ВЛКСМ, на котором Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Шверник прикрепит к комсомольскому знамени четвёртую награду Родины – орден Ленина.

В 1940 году и Беликов, и Журавлёв надели солдатскую шинель. В том же году публикации красноармейцев Беликова и Журавлёва появились в многотиражной газете ОМСДОНа “На боевом посту”. Но это не было пробой пера: ещё до призыва они получили первый опыт журналистской работы в районных газетах... Беззаветную преданность Родине, стремление бойцов попасть на передовую, чтобы бить врага, всю войну доносили до читателей “Красной звезды”, окружных и фронтовых газет заметки, корреспонденции, зарисовки и очерки военков. В их числе были Беликов и Журавлёв.

— Какая атмосфера царила на том первом послевоенном комсомольском съезде! — не без гордости вспоминает Илья Григорьевич. — Это был подлинный слёт победителей с его радостным воодушевлением, надеждами, единством и оптимизмом. И хотя после Победы прошло почти четыре года, его делегаты принесли с собой в Большой Кремлёвский дворец отзывы грозных битв, отблеск бессмертной славы Бреста и Сталинграда, Ленинграда и Севастополя, дыхание сражений на Висле и Одере, отвагу народных мстителей, мужество молодёжного подполья. Ни один комсомольский съезд не видел столько Золотых Звёзд, орденов и медалей. Среди делегатов — известные всему миру герои-фронтовики, такие легендарные личности, как Александр Покрышкин и Иван Кожедуб, оставшиеся в живых члены легендарной молодёжной подпольной организации “Молодая гвардия” из Краснодона, прославленные партизаны.

После окончания войны пути-дорожки Беликова и Журавлёва разошлись. Владимир Васильевич поступил на факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, а Илья Григорьевич продолжил службу, участвовал в ликвидации националистического подполья на территории Северного Кавказа, Белоруссии и Прибалтики. Позже окончил филологический факультет МГУ, служил в Германии в должности заместителя командира полка по политчасти. А в сентябре 1957-го после расформирования части вернулся в Москву. Как раз в это время ЦК КПСС принял реше-

ние об издании журнала внутренних войск “На боевом посту”. В главке стали подбирать людей на должности, формировать редакционный коллектив. По предложению начальника политуправления войск генерал-майора Николая Терещенко Илья Беликов занялся подготовкой первого номера журнала.

— Главная сложность состояла в том, — вспоминает Илья Григорьевич, — что действовало строгое предупреждение: ни на один метр жилой площади в Москве не рассчитывать, людей брали только с квартирами. В итоге почти половину должностей в редакции заняли офицеры, которые раньше не работали в журналистике.

Илью Григорьевича назначили начальником отдела партийно-политической работы, который, по сути, стал ведущим в журнале.

По его словам, журнал рождался в муках. Первое время из-за неопытности людей, их низкой квалификации приходилось задерживаться до поздней ночи. Гораздо легче стало с приходом в отдел Владимира Журавлёва. Материалы готовились качественнее и быстрее, в портфеле отдела накапливался запас. Появилась возможность выезжать в войска, готовить интересные статьи и корреспонденции, встречаться с авторами и читателями.

Работая вместе, Илья Григорьевич и Владимир Васильевич подготовили большое количество своих и авторских публикаций по истории и боевому пути внутренних войск. Особенно интересны были материалы о фронтовиках, среди которых — Герои Советского Союза, ветераны-дзержинцы, чьи имена навечно

зачислены в списки воинских частей. Со многими из авторов статей они были знакомы лично.

С преобразованием союзно-республиканского министерства внутренних дел в республиканское редакция утратила юридический статус, и после выпуска третьего номера 1960 года журнал перестал выходить в свет. И тогда активизировалась работа над изданием сборников, брошюр, плакатов, листовок и другой печатной продукции, в которых то и дело появлялись актуальные материалы о передовиках боевой службы, написанные Ильёй Беликовым и Владимиром Журавлёвым.

В 1960 году Илья Григорьевич вернулся в родное соединение, где возглавил политотдел, а позже был назначен заместителем начальника полуправления внутренних войск МВД СССР, где прослужил до увольнения в запас.

Журнал “На боевом посту” вновь стал выходить с января 1970 года. С этого времени и до конца службы Владимир Васильевич Журавлёв был ответственным секретарём редакции.

После увольнения с военной службы оба ветерана не прервали связи с войсками. Их материалы часто можно было увидеть на страницах войсковой прессы. Большая часть статей и очерков посвящена истории внутренних войск, их участию в Великой Отечественной войне, службе солдат и офицеров в послевоенный период. Не утратили они связи и с молодым поколением. Пока позволяло здоровье, регулярно встречались с солдатами и школьниками. Своим богатым опытом Илья Григорьевич и Владимир Васильевич делились и с журналистами редакции журнала “На боевом посту”, частенько навещали их в гости.

Коллектив редакции искренне поздравляет Илью Григорьевича Беликова и Владимира Васильевича Журавлёва с 90-летием и желает им крепкого здоровья и благополучия.

Живите долго, дорогие ветераны, не болейте и всегда оставайтесь на боевом посту!

★
**Подполковник
Сергей ПОРТНОВ**

Фото из фондов
Центрального музея
внутренних войск

“Согласно донесениям политадела 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД части дивизии в течение июля 1941 года имели следующие боестолкновения с противником:

11 июля 5-й мотострелковый полк дивизии и 320-й стрелковый полк РККА буквально заперли штыками в горящем городе Выхмы пленных, разъяренных фашистов. Бой длился с утра до поздней ночи.

12 июля 1-й батальон 5-го мотострелкового полка с танками выступил

по дороге Колга—Яни. При вступлении в лес врезался в противника, который был занят завтраком. Противник разбит.

14 июля части дивизии, взяв инициативу в свои руки, перешли в наступление. 1-й батальон 5-го мотострелкового полка под командой старшего лейтенанта Николаева наносил удары на Ваки, Сур, Виллевере и Кахала. 2-й батальон под командой капитана Дурова наступал на Лопарти, Сартия и станцию Олейно. Стремительными ударами гитлеровцы были

выбиты со станции Олейно и из Кахала. 5-й мотострелковый полк продолжает теснить противника. На станции Олейно захвачены 2 вагона снарядов, противотанковое орудие, пулемёты, много патронов.

83-й полк, не имевший артиллерии и станковых пулемётов, перейдя в наступление, был остановлен огнём гаубиц и тяжёлых миномётов в одном километре севернее мызы Кабала.

Всего в дивизии к этому времени насчитывалось боевого состава до 1000 человек...”

«Согласно донесениям полтотдела 2-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений в течение июля 1941 года части дивизии имели следующие боестолкновения с противником:

11 июля гарнизоном 51-го полка дивизии, осуществляющим охрану и оборону железнодорожного моста через реку Равань на линии Ленинград–Москва, в 10.00 сбит германский самолёт Фи-156 «Шторх». Проезжавший по этой линии в 14.00 на спецпоезде Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов приказал передать ему обнаруженные среди обломков сбитого самолёта документы.

12 июля опергруппа 32-го отдельного резервного батальона дивизии, выброшенная в район Луги для борьбы с парашютными десантами немцев, вступила в бой с передовыми частями противника у железнодорожного моста через реку Плюсса. Противник поддерживал своё нас-

**Генерал-лейтенант
С.М. Буньков**
(в июле 1941 г. – полковник,
командир 22-й мотострелковой
дивизии войск НКВД)

тупление сильным артиллерийским огнём и ударами с воздуха. В течение четырёх часов опергруппа нанесла гитлеровцам чувствительные потери в живой силе, был сбит ружейно-пулемётным огнём вражеский бомбардировщик «Юнкерс-88». В 16 часов 15 минут подразделениями группы и гарнизона охраны мост был взорван.

14 июля у деревни Поречье гитлеровцы на захваченных советских танках приблизились к шоссе к мосту через реку Луга, который охраняло подразделение 6-й роты 51-го полка дивизии. Один из гитлеровцев в форме советского танкиста направился к часовому, и в этот момент головной танк, раздавив часового, устремился на мост. В ту же минуту к мосту стали приближаться вражеские автомашины с пехотой. Но гарнизон моста, находившийся в окопах, уничтожил головной танк и вступил в бой с остальными подразделениями врага. Бой продолжался почти полтора часа. В результате противник потерял до 70 солдат и офицеров. Особенно отличился красноармеец С.Д. Козлов, уничтоживший своими меткими выстрелами 10 немецких автоматчиков, а затем штыком и гранатами ещё четверых. С.Д. Козлов награждён орденом Ленина.

15 июля подразделения 1-й и 2-й рот 82-го полка, оборонявшие мосты на участке Хийтолла–Сердоболь–Маткаселья в районе Карельского перешейка, в результате прорыва немецко-финских войск у Элисенваара в большинстве своём попали в окружение. Однако с боями прорвались, вышли к своим ротам и были использованы в обороне вместе с частями Красной Армии. Восемь гарнизонов 1-й роты получили приказ от командира 168-й стрелковой дивизии РККА оборонять станцию Хелюля. В течение пяти дней они отбивали яростные атаки противника и удержали рубеж, чем дали возможность 168-й стрелковой дивизии произвести перегруппировку и перейти на более выгодный оборонительный рубеж.

В боях за станцию Хелюля подразделениями 1-й роты 82-го полка дивизии уничтожено до 300 белофи-

**Бронеплощадка № 2
бронепоезда 51-го полка
2-й дивизии войск НКВД
по охране железнодорожных
сооружений (на снимке –
командир бронеплощадки
сержант Николай Батавин)**

**В нижнем ряду крайний справа –
майор А.К. Янгель**
(в июле 1941 г. – подполковник,
командир 2-й дивизии войск НКВД
по охране железнодорожных
сооружений)

нских солдат и офицеров, захвачено противотанковое орудие.

16 июля пулемётная рота и стрелковый взвод 2-й роты 32-го отдельного резервного батальона дивизии организовали оборону станции и города Гдов, отбивая яростные атаки противника, к исходу суток 17 июля отбросили его на исходные рубежи.

19 июля гарнизонами 109-го полка дивизии и местным истребительным отрядом атакован, отброшен, а затем уничтожен гитлеровский воздушный десант, высадившийся между станциями Аувера и Вайвера. Потери гарнизонов: убит один младший командир.

С 21 по 24 июля бронепоезд 51-го полка дивизии, поддерживая действия 177-й стрелковой дивизии и 3-го мотострелкового полка РККА в районах станций Плюсса и Серебрянка, артиллерийским огнём уничтожил 3 танка, одну артиллерийскую и две миномётные батареи, 15 автомашин с пехотой и боевым грузом, до роты пехоты и один командный пункт противника. Огнём счётверённой зенитно-пулемётной установки сбит гитлеровский бомбардировщик Ю-88.

25 июля севернее восточнее станции Пески белофинны высадили десант со стороны Шот-озера. Для его ликвидации была выброшена опергруппа 52-го полка дивизии численностью 105

человек под командой капитана Борзова и батальон Красной Армии. Они вступили в бой с белофиннами, не допуская их выхода к железной дороге.

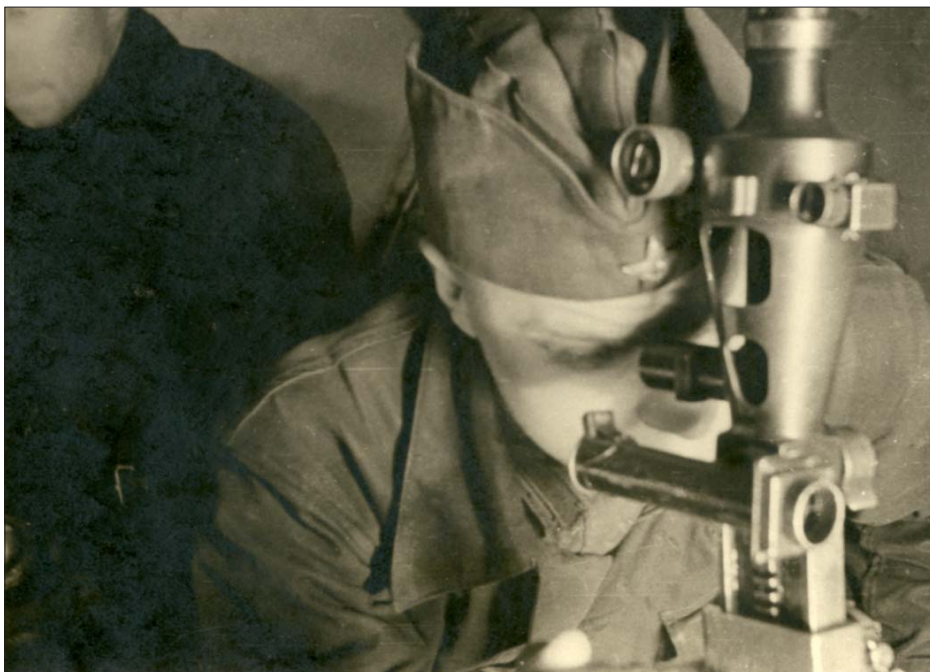
С 25 июля ряд подразделений 52-го полка – гарнизоны мостов через реки Свирь, Погра, Шуя, Кутьяма и др. сдерживали продвижение врага до трёх-пяти суток, дав возможность частям РККА переправиться, а в отдельных случаях и перегруппироваться.

26 июля в 18 часов 40 минут мотоброневоз бронепоезда 51-го полка дивизии внезапно был атакован 8 танками и мотопехотой гитлеровцев. Экипаж мотоброневоза встретил противника сильным артиллерийским и пулемётным огнём, уничтожив за несколько минут 4 танка и 10 автомашин с немецкой пехотой. В результате противник откатился в исходное положение. За проявленные доблесть и мужество командир мотоброневоза младший лейтенант Гребенюк награждён орденом Ленина, а наводчик Володин и коррективщик Шистеров удостоены ордена Красного Знамени.

28 июля в 16 часов 00 минут передовые части противника на бронемашинах вышли к деревне Ручьи и направились к железнодорожному мосту через реку Шелонь у станции Шимск. Охрану и оборону моста осущес-

твлял гарнизон 3-й роты 51-го полка дивизии численностью 57 человек при 2 станковых и 3 ручных пулемётах. Подпустив гитлеровцев на 60-70 метров к проволочному заграждению, подразделения гарнизона открыли сильный ружейно-пулемётный огонь и отбросили противника в исходное положение с большими для него потерями. Фашисты, подняв свежие резервы, в 18 часов повторно перешли в наступление. Гарнизон мужественно в течение семи часов отбивал яростные атаки превосходящих сил гитлеровцев и этим самым обеспечил командованию Красной Армии возможность подтянуть резервы из района Новгорода и занять оборону на мостах, в одном километре от левого берега Шелони. В этом бою гарнизоном было истреблено свыше 300 солдат и офицеров противника.

В 22 часа 10 минут противник с танками и артиллерией вышел на правый берег Шелони и обложил гарнизон с трёх сторон. Незанятой фашистами оставалась лишь узкая

В орудийной башне бронепоезда

полоска вдоль линии железной дороги в сторону Новгорода. В связи со сложившейся обстановкой начальник гарнизона младший лейтенант Пельх получил приказ от командования Северо-Западного фронта – мост взорвать, а гарнизону с боем отойти на северный берег Шелони и присоединиться к частям Красной Армии. Эту задачу гарнизон выполнил. 9 военнослужащих из состава гарнизона награждены орденами.

30 июля сводный отряд из 220 человек 109-го полка дивизии (командир отряда – помощник начштаба полка капитан Савченко) по приказу начальника охраны войскового тыла 8-й армии был брошен на усиление 167-го стрелкового полка РККА в районе Тамсалу, где гитлеровцы намеревались одним броском перерезать железнодорожную и шоссеиную магистраль Ленинград–Таллин. В 13 часов 30 минут противник открыл по позициям сводного отряда сильный артиллерийский и миномётный

**Подполковник
А.П. Иванов**
(в июле 1941 г. – командир
20-й дивизии войск НКВД
по охране железнодорожных
сооружений и особо важных
предприятий промышленности)

огонь, после чего перешёл в наступление. Бой длился около 8 часов. Ценой больших потерь противнику удалось прорвать в двух местах оборону сводного отряда и 167-го стрелкового полка, заставив наши части отойти на новые рубежи к городу Тапа. С 31 июля на ближних подступах к Тапа развернулись упорные бои 109-го полка, отбивавшего неоднократные атаки врага с тяжёлыми для него потерями.

Одновременно подразделения 109-го полка дивизии вели борьбу в тылу армии с местными бандитами, нападавшими на отдельно следующие машины и мелкие подразделения. В результате было уничтожено до 90 бандитов.

31 июля опергруппа 80-го полка дивизии численностью 120 человек (начальник группы – командир 3-й роты старший лейтенант Соколов), усиленная бронепоездом полка, по приказанию начальника войск по охране тыла 14-й армии была выброшена в районе Коккосальма–Топ-озеро, где противник высадил на катерах десант, имея целью обойти фланг, ударить в тыл частям Красной Армии и одновременно захватить Кестенгу.

Группа Соколова выступила на сближение с противником. На 9-м километре ею были встречены мелкие разведгруппы вражеского десанта. Эти группы были частично уничтожены или отеснены».

“Согласно донесениям полтотдела 20-й дивизии войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности:

24 июля по приказу военного совета Северного фронта сводная рота 155-го полка дивизии из 73 человек (командир роты – младший лейтенант Кожевников) вместе с частями РККА была брошена на рубеж Рут-озеро с задачей не допустить выхода гитлеровских войск к станции Кочкома Кировской железной дороги и на участок Надвоицы–Кочкома Беломорско-Балтийского канала. В ожесточённом бою на указанном выше рубеже из состава сводной роты смертью храбрых погибли комзвода младший лейтенант Сальников и восемь красноармейцев”.

**Полковник
М.Д. Папченко**
(в июле 1941 г. – командир
21-й мотострелковой
дивизии войск НКВД)

**Командир бронепоезда
51-го полка войск НКВД по охране
железнодорожных сооружений
капитан Ф.А. Андреев**

“Согласно донесениям полтотдела 21-й мотострелковой дивизии войск НКВД:

26 июля 15-й Краснознамённый мотострелковый полк дивизии решительным ударом прорвал кольцо белофиннов в районе Кудом–Губа, вывел из окружения школу младшего состава Карело-Финского пограничного округа, остановил продвижение белофиннов в направлении Порос-озера и удерживал противника на этом рубеже”.

Позднее, в боях на ближайших подступах к Ленинграду, уцелевшие подразделения 21-й тогда уже стрелковой дивизии войск НКВД остановят гитлеровцев за Лигово, у стен Кировского завода. Остаткам 20-й, также ставшей в ту пору стрелковой, дивизии удастся сделать то же самое на Невском пятачке. Оба соединения заслужат высокую оценку Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова: именно с 21-й стрелковой дивизии войск НКВД он начнёт перечислять наиболее отличившиеся у Лигово формирования, особо упомянет и диверсионно-разведывательные группы 20-й дивизии, которые, по его словам, “всюду проявляли чудеса храбрости”.

На потерявшую более половины состава 2-ю дивизию войск НКВД по охране железнодорожных сооружений возложат охрану грузов, доставлявшихся в уже блокированный Ленинград, в том числе по легендарной ледовой Дороге жизни. Грузы эти пойдут в голодный, отрезанный от Большой земли огромный город под постоянными вражескими бомбёжками и артобстрелом.

Обескровленные подразделения 22-й мотострелковой дивизии войск НКВД на двое суток задержат немцев у Талина, после чего оставшихся в живых бойцов и командиров этого, фактически уже не существовавшего соединения зачислят в различные части войск НКВД Ленинградского фронта...

★
**Подполковник
Тимур МАКОЕВ**
Фото из фондов
Центрального музея
внутренних войск
МВД России

ВОЙСКОВОЙ ЖУРНАЛИСТ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОТОПРЕМИИ

**ЛУЧШИЙ 10
ФОТОГРАФ**
Первая открытая национальная фотопремия

В московском Центре Digital October, расположенном на Берсеневской набережной, состоялась церемония награждения победителей первой открытой национальной фотопремии «Лучший фотограф 2010». В престижном конкурсе принял участие заместитель начальника отдела редакции журнала «На боевом посту» подполковник Сергей Корец. Его фоторабота заняла третье место в любительской категории «Пейзаж».

Первая открытая национальная фотопремия «Лучший фотограф» проводится в России с 2009 года. Организаторам удалось воплотить в жизнь уникальный замысел: перешагнуть рамки профильного, тематического конкурса. В итоге учрежденная премия стала первым отечественным проектом, когда профессиональное жюри оценивает работы в разных жанрах: от портрета, фоторепортажа и художественной фотографии до рекламы. В нынешнем году в конкурсе

участвовали более 20 тысяч работ, которые прислали семь тысяч участников из 26 стран мира.

Жюри конкурса возглавил Дэвид Кларк – руководитель фотодепартамента лондонской галереи Tate, где представлено самое крупное в мире собрание английского искусства XVI – XX веков. В состав жюри вошли ведущие специалисты отечественной и зарубежной фотоиндустрии: президент канадской галереи Heffel Gallery Limited Дэвид Кеннет Джон Хеффель, директор фотографического агентства Contrasto из Милана Денис Керт,

главный редактор международного фотожурнала Photographer Евгений Зубенко, главные редакторы журналов Foto&Video и «Фотомастерская» Владимир Нескоромный и Екатерина Рыкова, директор школы современной фотографии Алексей Лурье и другие специалисты с мировым именем. Они оценивали мастерство фотографов в тринадцати профессиональных и десяти любительских категориях.

Подполковник Сергей Корец получил диплом лауреата в категории «Пейзаж». Постоянные читатели журнала хорошо знакомы с его

Фотография С. Корец «Без названия», ставшая лауреатом Первой национальной фотопремии в номинации «Пейзаж».

творчеством: фотографии Сергея нередко украшают обложку нашего издания, свои материалы он иллюстрирует авторскими снимками, которые можно увидеть и на интернет-сайте внутренних войск МВД России.

Как отметил один из членов жюри, фоторабота Сергея Корец «Без названия» вызвала неподдельный интерес при обсуждении результатов конкурса. Запечатлѐнный на ней осенний лес предстаѐт перед

зрителем, словно сказочный мир: голые деревья утопают в прозрачном шёлке голубовато-стального тумана – тонкого, летящего, и лишь там, вдали, где уже растаяло марево, проглядывает молочно-белѐе небо. На землю будто кто-то набросил плотный светло-оранжевый ковер, сотканный из опавших листьев. Туман скоро рассеется, и лес уже не будет казаться таким таинственным, волнующим воображение. Фотограф, что называется, поймал момент: природа подарила возможность увидеть чудо переполнения простого в загадочное и любоваться этим волшебством. Он запечатлел красивое мгнове-

ние, а ведь сделать это – большое искусство.

Члены жюри сошлись во мнении, что для этой работы действительно очень сложно придумать название. Да и нужно ли? Ведь каждый волен найти здесь что-то своё и, погрузившись в магическую атмосферу снимка, почувствовать причастность к моменту, подаренному фотографом.

После вручения диплома лауреата подполковник Корец получил возможность выступить с ответным словом. На сцену он вышел, держа в руках фотоальбом «Внутренние войска МВД России».

– В этом году войска правопорядка праздновали двухсотлетний юбилей, – поблагодарив организаторов конкурса, сказал Сергей. – У нас в войсках служат много замечательных людей. Есть среди них и талантливые фотографы. Их усилиями создан вот этот фотоальбом. Автором большинства представленных здесь фотографий является мой наставник заслуженный работник культуры Российской Федерации Владимир Николаевич Николайчук. Учиться волшебству компо-

зиции и магии светотени можно у художников и фотографов, классиков и современников, но не менее важно научиться отношению к делу. Этим я и обязан своему учителю. Сегодня он не смог лично присутствовать на мероприятии, поэтому от его имени я хочу передать этот фотоальбом организаторам конкурса.

Когда церемония награждения завершилась, организаторы конкурса объявили, что все работы победителей будут выставлены для просмотра в московском Центре фотографии имени братьев Люмьер. Среди лучших фотографий 2010 года будет и получившая признание авторитетного жюри работа нашего коллеги. Поздравляем его с этой победой!

★
Майор Елена ЖАРНИКОВА
Фото Николая МАГАСА

ВЕХИ СЛАВНОГО ПУТИ

Имена Натальи Садовой, Александра Шустова, Татьяны Ямбаевой, Ирины Хазовой хорошо известны любителям спорта не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Но мало кто знает, что все они – наследники победных традиций спортивной команды при управлении Приволжского регионального командования. Команды, которая за сорок с лишним лет своего существования воспитала не одно поколение выдающихся спортсменов.

История необычного спортивного подразделения при управлении Приволжского регионального командования внутренних войск МВД России начинается в далёком уже 1969 году. Сформировано оно было из лучших спортсменов горьковского, казанского и самарского соединений, возглавил которое подполковник Хафиз Измайлович Сулейманов. Именно с его именем и связаны первые спортивные успехи приволжцев.

Хафиз Измайлович был человеком неординарным, безраздельно преданным любимому делу. Начав за-

ниматься борьбой ещё в детстве, он не оставил занятия спортом и на военной службе, совмещая тренировки и выступления на соревнованиях с выполнением служебных обязанностей. По завершении личной спортивной карьеры подполковник Сулейманов полностью посвятил себя тренерскому делу.

Организаторские таланты наставника и упорные тренировки его подопечных вскоре принесли свои плоды: в 1972 году лейтенант Воронин завоевал первую в команде медаль мирового первенства, став серебря-

ным призёром на чемпионате мира по лыжному двоеборью.

Кстати, зимние виды спорта были коньком приволжской спорткоманды образца 1969–1987 годов. Активно развивались конькобежный спорт, прыжки с трамплина, лыжное двоеборье.

Впрочем, приволжская спорткоманда была сильна не только этим. Больших успехов добивались борцы и самбисты: дважды, в 1970 и 1974 годах, сильнейшим в мире по греко-римской борьбе становился майор Александр Константинов. Мировое

“золото” завоевал и прапорщик Сергей Косоротов, ставший лучшим на чемпионате мира по дзюдо в 1973 году. Серебряную медаль с чемпионата мира 1973 года по самбо привёз прапорщик Юрий Круглов.

В конце семидесятых годов прошлого века блистал на международных соревнованиях по фехтованию прапорщик Айрат Абдулманов, на счету которого две победы на мировых первенствах. Обладателем серебряной награды чемпионата мира по академической гребле становился прапорщик Андрей Зарубин.

Шли годы, в команду приходили опытные тренеры, молодые талантливые спортсмены. Неизменным оставалось одно – верность победным традициям.

– Моими воспитанниками когда-то были старший лейтенант Александр Пискунов – один из сильнейших приволжских лыжников своего времени и прапорщик Геннадий Григорьев – ведущий биатлонист региона в конце 70-х – начале 80-х годов, – рассказывает Анатолий Матвеевич Козлов, с 1978 по 1981 год занимавший в команде должность тренера по лыжным гонкам и биатлону. – Завершив спортивную карьеру, оба в своё время возглавляли приволжскую команду. Именно знание жизни спортсменов, как говорится, изнутри, позволило им стать высококлассными управленцами-наставниками.

В те годы призёрами и победителями войсковых соревнований и турниров центрального совета “Динамо”, чемпионами СССР по лыжному гонкам становились старшие прапорщики братья Якутины и прапорщик Кирпичников. В биатлоне призёром чемпионов СССР не раз был прапорщик Балалаев. На тот момент в команде не существовало чёткого разделения по видам спорта, как это можно наблюдать сейчас. Поэтому наши биатлонисты и лыжники выступали ещё и в тоеборье, и делали это успешно.

В октябре 1987 года команду возглавил подполковник Иван Васильевич Уткин, который специально был приглашён на эту должность из Новосибирского военного училища внутренних войск, где служил начальником кафедры физической

И.В. Уткин со своим воспитанником трёхкратным олимпийским чемпионом А.А. Карелиным

**Первый начальник спорткоманды
Х.И. Сулейманов**

подготовки и спорта. Одним из его курсантов и воспитанников был будущий трёхкратный олимпийский чемпион Александр Карелин. Причем Уткин посвящал будущего олимпийщика и Героя России не только в таинства классической борьбы, но и раскрывал перед ним секреты борьбы самбо.

– В наследство от Хафиза Измайловича Сулейманова, с которым я давно был знаком по соревнованиям и семинарам, мне досталась отличная команда, – вспоминает Иван Ва-

сильевич. – В то время в ней было много спортсменов, способных добиваться самых высоких результатов на мировых и европейских первенствах. Среди них борцы Сергей Косоротов и Хабиль Бикташев, биатлонисты Вадим Овчинников и Александр Корепанов. Располагала команда и сильным тренерским составом, на первых ролях в котором были Евгений Борисенко, Владимир Киселёв, Михаил Аршинов.

С приходом к руководству командой подполковника Уткина в ней активно стало развиваться женское дзюдо. Несмотря на то, что в регионе сильных дзюдоисток тогда практически не было, Иван Васильевич видел перспективу развития этого вида спорта, а потому не обращал внимания на многочисленных скептиков. В итоге в спорткоманде были воспитаны такие великолепные атлетки, как двукратная вице-чемпионка мира старший лейтенант Татьяна Кувшинова и многократная чемпионка России прапорщик Раса Цеханавичуте.

В те же времена на лидирующие позиции вышли и приволжские легкоатлеты. Среди них капитан Владимир Шнишкин – участник двух Олимпиад. На Играх в Сеуле приволжец только у самой финишной черты уступил сопернику бронзовую медаль.

В 1994 году главным тренером команды по единоборствам был назначен подполковник Владимир Иванович Дунаев. В то время на первых ролях в ней были борцы самбо и дзюдо. Сильные представители рукопашного боя, который начинал активно развиваться во внутренних войсках,

Олимпийская чемпионка
Наталья Садова

Многократный чемпион мира среди юниоров
Пётр Седов

в команде отсутствовали. Спортсмены, пробуя свои силы в рукопашном бою, приходили в этот вид спорта из бокса или восточных единоборств, поэтому их бойцовский уровень был невысок. Первое, с чего начал новый главный тренер – про-

вёл в Чебоксарах окружной сбор, на котором отобрал лучших спортсменов-рукопашников. В их число попал и капитан Николай Шарипов, который одним из первых среди приволжцев добился высоких результатов в этом виде спорта.

С 1995 года рукопашный бой в приволжской команде начинает стремительно развиваться. Дунаев без устали ездит по всему округу, отбирая самых перспективных спортсменов, проводит занятия в сержантских школах, обучая будущих младших командиров основам рукопашного боя. И в 1999 году приволжские рукопашники завоёвывают первое командное «золото» на войсковом первенстве.

Перед полковником Александром Пискуновым, вставшим во главе спортивной команды в 2000 году, была поставлена задача – вывести команду Приволжского округа на лидирующие позиции в спорте высших достижений.

Он занимался поиском талантливых спортсменов по всей России. Главным его козырем было то, что команда могла дать спортсменам всё необходимое для дальнейшего профессионального роста.

Чемпион мира
по боям смешанного типа
и боевому самбо
Вячеслав Василевский

Чемпион Европы
Александр Шустов

начальником спортивной команды в 2007 году и возглавляющий её сегодня. – Главным показателем нашей успешной работы стало выступление спортсменов на Олимпийских играх. Таким образом, вся наша деятельность теперь разбивается на два двухгодичных цикла: подготовку к летним и зимним Олимпийским играм.

За то время, что Игорь Владиславович возглавляет команду, его подопечные приняли участие в двух Олимпиадах: в Пекине в 2008 году и в Ванкувере в 2010 году. В столице Китая спортивную честь нашей страны защищали легкоатлеты прапорщик Илья Коротков и маунтинбайкер рядовой контрактной службы Вера Андреева. Гораздо большим было представительство приволжцев в российской олимпийской сборной

– Если в нашем регионе тот или иной вид спорта был развит недостаточно хорошо, мы разрешали спортсменам заниматься у своих прежних тренеров. Но, как правило, переезжающие к нам получали возможность тренироваться у более классных специалистов, – говорит Александр Дмитриевич. – Помогали и в бытовом плане, никогда не препятствовали учёбе военнослужащих-спортсменов в высших учебных заведениях.

И результаты этой работы не заставили себя ждать. С 2001 по 2007 год спорткоманда приволжцев дважды становилась первой и четыре раза занимала второе место в смотрах физической подготовки и спортивно-массовой работы во внутренних войсках МВД России.

Пришли успехи и на мировой арене. Весь спортивный мир узнал таких спортсменов, как старший лейтенант Дмитрий Васильев, капитан Ольга Егорова, лейтенант Евгений Лебедев, рядовой контрактной службы Игорь Радугин и многих других.

– С образованием Центрального спортивного клуба внутренних войск задачи спорткоманды существенно изменились, – рассказывает полковник Игорь Мальцев, ставший

Бронзовый призёр Олимпиады
Ирина Хазова

Чемпионка мира по маунтинбайку
Ирина Хазова

на Играх в Ванкувере. В столицу XXI зимней Олимпиады от спортивной команды отправились восемь спортсменов и один тренер: лыжники лейтенант Ирина Хазова и прапорщик Петр Седов; прыгуны с трамплина прапорщик Денис Корнилов и рядовые контрактной службы Павел Карелин, Дмитрий Ипатов, Илья Росляков, двоеборцы рядовые контрактной службы Сергей Масленников и Нияз Набеев, тренер прапорщик Павел Трошкин. Самым успешным в олимпийском Ванкувере стало выступление Ирины Хазовой, которая завоевала бронзовую медаль в командном спринте.

Сегодня в приволжской спортивной команде проходят службу как минимум 16 спортсменов, которые могут принять участие в Олимпиаде 2012 года в Лондоне. Есть и те, кто может претендовать на право представлять Россию на Олимпиаде в Сочи в 2014 году. Среди них молодые лыжники Евгений Тихова и Артём Мальцев, саночница Татьяна

Бронзовый призёр
чемпионата мира
Владимир Федулов (слева)
и чемпионы мира
Татьяна Ямбаева
и Иван Селезнёв

лжской спортивной команды выглядит следующим образом. С 1969 года по настоящее время её спортсмены завоевали:

2 золотые, 2 серебряные и 3 бронзовые медали на Олимпийских играх;

73 золотых, 19 серебряных и 22 бронзовые медали на чемпионатах мира;

34 золотых, 16 серебряных и 11 бронзовых медалей на чемпионатах Европы;

61 золотую, 17 серебряных и 3 бронзовых медалей на чемпионатах СССР;

134 золотых, 13 серебряных и 6 бронзовых медалей на чемпионатах России.

Подводя итог рассказу о вехах славного пути приволжской спортивной команды, мы можем надеяться, что её члены и впредь продолжат достойно представлять внутренние войска и нашу страну на мировой арене. Ведь для будущих побед у коллектива есть абсолютно всё: высококлассные спортсмены и тренеры, талантливая молодежь, настойчиво стучащаяся в двери большого спорта. И, конечно же, грамотные руководители, способные направить усилия всех своих подопечных в нужное русло.

★
Младший сержант
Алексей КУРОЧКИН

Фото из архива спортивной команды
Приволжского
регионального командования
внутренних войск МВД России

СЕМЁН ДАНИЛЮК

ТРИ РАССКАЗА

(ИЗ ЦИКЛА "АКАДЕМКА")

ГУЛЛИВЕР

Я потянулся постучать, но дверь сама распахнулась: то ли от прикосновения костяшек пальцев, то ли от дуновения ветра с лестничного пролёта. Сидевший в кабинете человек недоумевая вскинул плоское лицо с вдавленным боксёрским носом.

— Что? В школе не научили стучаться? — хмуро съязвил он.

“Ну, попал”, — расстроился я. Ещё не зная, что в самом деле попал — в десятку. Нашу судьбу определяют характер и удача. Характер, если его достаёт, ведёт тебя к цели. Удача, если милостива, расставляет на твоём пути людей, придающих ускорение либо подправляющих маршруты твоего движения. Ворвавшись в октябре 1984 года в кабинет № 714 на седьмом этаже Академии МВД, я не догадывался, что именно удача сюда и привела.

Та осень выдалась для меня тяжелой. В сентябре едва не сорвалась защита кандидатской диссертации по причине совершенно невероятной: один за другим заболели оба оппонента. Одного из них — спасибо ему огромное — пришлось привозить на защиту прямо из больницы, в промежутке меж утренней и вечерней ка-

пельницами. Но главное – в ноябре истек срок адъюнктуры, и необходимо было срочно определиться с трудоустройством.

В адъюнктуру я поступил из Калинин, где работал следствием. Возвращаться на практику, имея учёную степень, понятно, не собирался. Напротив, мечтал, подобно своим учителям, Гаухману, Ляпунову, посвятить дальнейшую жизнь правовой науке. Само собой, в Москве. Адъюнктом я оказался не из худших, и варианты трудоустройства намечались, но при одном обязательном условии – наличии московской прописки. А для этого необходимо было обменять однокомнатную “хрущёвку” в Калинин, в которой жил с женой и восьмилетним сыном, на комнату в Москве или Подмоскovie. После долгих мытарств нашёлся вариант в химкинской коммуналке. Само собой, с изрядной доплатой. Вскоре, впрочем, выяснилось, что сговориться друг с другом – это даже не поддела. Куда важнее – убедить жилищную комиссию райисполкома, что, совершая обмен, стороны не покушаются тем самым на подрыв экономических основ государства, на совершение массовых беспорядков, в том числе с использованием пиротехники и взрывчатых веществ, что обмен не является посягательством на основы конституционного строя СССР и что под его прикрытием ты не планируешь развязать агрессивную войну против мирного человечества. После я снял с книжной полки “Божественную комедию”. Искал у Данте, в какой крут ада поместил он членов жилищных комиссий райисполкомов. Не нашёл. Оказывается, не было во Флоренции XIII–XIV веков жилищных комиссий. Дальше листать не стал. Если Данте не знал обменов, значит, не ведал истинного ада. Сколько же невидимых миру слёз, несбывшихся надежд и разбитых иллюзий осталось намотано на том крючке, что торчал возле зала заседаний химкинской жилищной комиссии, – на нём вывешивались списки разрешённых обменов. Я оказался из редких везунчиков. Порхающей птичкой, помахивая ордером, полетел я в Академию МВД – рапортовать, что препятствий для моего трудоустройства более не существует. Тогда мне так казалось. Правда, свободных вакансий на моей кафедре – уголовного права – не было. Но начальник адъюнктуры, грубейший и добрейший Николай Иванович Майоров, тут же предложил вариант: на седьмом этаже академии разместили лабораторию проблем предварительного расследования ВНИИ МВД. Есть пара мест. Вновь назначенный начальник отдела Анатолий Петрович Гуляев попросил подобрать кого-нибудь посмышлёней. Звонить?

Гордясь собственной смыслённостью, я вытянулся и пристукнул каблучками. Жизнь вновь улыбалась. Вот так, улыбаясь, я и зашел в тот самый кабинет 714.

– Так чего не стучишь? – буркнул Гуляев.
– Пытались приучить стучать, да не вышло, – сдержил я. – А насчёт стучаться, дверь у вас, похоже, сама открывается... Я от Майорова.

– А я думал, от науки. – Гуляев выжидательно прищурился. Я догадался: это он, в свою очередь, так пошутил и теперь ждёт реакции. Должно быть, проверяет чувство юмора. Юмор, по мне, был весьма среднего разлива, но я коротко подхихикнул. Чуткий к фальши Гуляев поморщился – кажется, заподозрил во мне подхалима.

– Защищался по уголовному праву?
– Так точно. – В желании понравиться я переусердствовал. Не монтировались мои очки и джемпер из лапши с браво поднянутостью прирождённого строителя. На узком лбу Гуляева проступила глубокая морщина

на разочарования. – Ну а у нас совсем другой профиль: уголовный процесс, криминалистика. Думаю, тебе не подходит.

– Я до адъюнктуры начальником районного следствия работал, – напомнил я.

– Слышал. Но теперь-то ты “уголовник”. Почему же согласился перепрофилироваться? – Маленькие острые глазки испытующе вонзились в меня.

– На кафедре у Гаухмана вакансий не нашлось, – честно ответил я.

Гуляев неприязненно хмыкнул. Ничего другого он и не ждал.

– Мотылёк, стало быть. Решил пересидеть где ни попадя, лишь бы в Москве. – Положительно, с каждой секундой я нравился ему всё меньше.

– Именно так, – подтвердил я. Объясняя, что, работая в лаборатории, рассчитывал засесть за докторскую диссертацию на стыке права и процесса, счёл излишним.

Гуляев намекаясь глянул на часы, дескать, аудиенция закончена. Следовало отдать ему должное – действовал он честно и прямо. Кандидат не понравился, и скрывать это он не считал нужным.

Я появился к двери.

– Странно, – засомневался вдруг Гуляев. – Коля Майоров за тебя просит. И Лёва Гаухман очень хорошо отзывается. – Нижняя губа его озадаченно наехала на верхнюю. Что-то ему мешало так быстро распрощаться со мной. Должно быть, рекомендации близких друзей. – Очень странно. Ладно, присядь. Попробуем всё-таки познаться.

– Да я-то с вами знаком. – Я мотнул подбородком в сторону сейфика, на котором среди прочих углядел монографию: А.П. Гуляев “Следователь в уголовном процессе”. Книга эта была замечена. Почти в каждом следственном подразделении стояла на полке.

– Вот как? – Гуляев заинтересовался. – И что скажешь?
– Полезная книга, – вяло начал я. Но запас подхалима иссяк. Я решился: – Но если честно...

– А ты меня не пугай. – Он напустился, а я продолжил: – Видно, что сам автор на следствии давным-давно не работает.

– Ну-ка, ну-ка? – Упершись локтями в стол, Гуляев подался вперёд. Будто в боксёрскую стойку встал.

– В эмпиреях пребываешь. Многие рекомендации на уровне мечтаний. А в жизни неприменимы.

Гуляев напустился, кожа натянулась на скулах, нижняя губа опять наполнила на верхнюю. Он вскочил, оказавшись плотно сбитым, невеликого росточка человеком, схватил монографию, впечатал передо мной: – Докажи!
– Сейчас как будто не время, – попытался увильнуть я. Увы, я ещё не знал железную хватку этого человека.

– Можешь – докажи! Не можешь – не болтай! – властно потребовал он.

Что мне оставалось?

– Да вот хоть здесь, – я ткнул в оглавление. – Насчёт обжалования следователем указаний надзирающего прокурора. Как вы думаете, сколько он проработает, если объявит войну собственному прокурору?

– При чём тут это? – Гуляев набылся. – Принципиальный следователь должен не за кресло держаться, а во имя установления истины по делу идти на любой служебный конфликт.

Я исподтишка пригляделся: не издевается ли? Нет. Кажется, в своём негодовании был искренен. Он подметил моё удивление:

– Давай, давай, спорь. Приводи аргументы.

Я привёл, он возразил. То же и со следующим. Самые убойные, казалось мне, доводы отмечались как смехотворные. Я понял: передо мной не человек – железобетон. При этом Гуляев не защищал свои положения. В них он не усомнился ни на минуту. То, что для других – защита, для него – лишь повод перейти в контратаку. Он и перешёл: принялся обращаться в свою веру меня. Но и я не видел причин отступать. Постепенно оба вошли в раж.

– Легко казаться принципиальным, если самому на баррикады не идти! – кричал я в запале. – Вы ж своими подстрекательскими советами беззащитных следователей под расстрельный прокурорский огонь подставляете! Поп Гапон вы, вот кто!

– Аргументов не слышу! – отвечал Гуляев.

– Чтоб слышать, надо слушать.

– Что ж, тогда слушай, – кротко

вздыхал Анатолий Петрович. И принимался вразумлять меня, чтобы минут через десять уже в сердцах лупнуть кулаком по столу: – Я тебе третий раз очевидную вещь тапачу. Что ж ты такой тупой-то!

Я наконец опамьятовался. Чем это я здесь занимаюсь? Пытаюсь убедить работодателя, что главный труд его жизни – галиматья! Ничего не скажешь, Данилюк, силён ты вести переговорный процесс. Умеешь расположить к себе людей. Оставалось быстренько свернуть дискуссию:

– Впрочем, вам видней.

– Не понял. Так ты согласен, что я прав, или нет?

Гуляев двусмысленности не принимал. Хмурый взгляд призывал: “Смирись и отрекись от ереси”. А пошло оно!

– Нет, конечно! Только переубедить вас всё равно что... – Я огляделся по сторонам, ткнул пальцем в крижистый металлический сейфик, который теперь мне казался сродни хозяину. – Извините, что отнял время. – И, коротко кивнув, шагнул к двери.

– Скажи Майорову – беру, – донеслось вслед.

Предположив издёвку, я резко обернулся. Гуляев походил плечами, будто воробей, отряхивающийся после доброй драчки. Поймав мой озадаченный взгляд, вдруг подмигнул:

– Твой недостаток – что ты упёртый, но кой-какие здравые мысли проскользнули. Придётся учесть, чтоб усилить позицию.

Было замечто, что случайный спор наполнил Гуляева новой энергией и новыми идеями. И теперь ему не терпится вернуться к столу.

– Да! Гаухман сказал, что ты “целевик” от Саратова? – припомнил он, прощаясь. – Открепительное письмо не забудь получить.

– Это как раз без проблем, – ошарашенный, я выдвинулся в коридор. Легко же я это сказал. Но – сказал то, в чём был уверен. В адъюнктуру Академии МВД инородными принимали только при наличии целевого направления от провинциального милицкого вуза. Так что, если в твоём городе, как в том же Калинин, таковых не было, путь в адъюнктуру, казалось бы, заказан. Препоны эти,

впрочем, преодолевались без труда. Научный мир тесен – все друг другу чем-то обязаны. И провинциальные вузы охотно откликались на просьбы из Москвы направить в адъюнктуру нужного человека из другого города, а когда подходило время трудоустройства, писали открепительные письма – хотя бы потому, что предоставить инородному жильё были не в состоянии. Так что начальник кафедры уголовного права Лев Давыдович Гаухман, желая помочь мне поступить в адъюнктуру, выбрал Саратов по единственной причине: в тот момент, когда я появился в его кабинете, телефонная книжка оказалась раскрыта на букве “с”. Потому я так легко и ответил: “Без проблем”. Но когда тот же Лев Давыдович позвонил по моей просьбе начальнику Саратовской школы полковнику Сдиру, в ответ услышал, что открепительного пись-

ОБ АВТОРЕ

Семён Александрович ДАНИЛЮК родился в Москве в 1951 году. Юность провёл в Твери, где в 1987 году увидела свет его первая повесть. Закончил филологический факультет Тверского государственного университета и Московский юридический институт. Свыше двадцати лет служил в органах внутренних дел: оперуполномоченным ОБХСС, следователем, начальником следственного подразделения. Подполковник милиции. С 1981 года на научной работе в Академии и во ВНИИ МВД, кандидат юридических наук, доцент.

Автор многочисленных романов, повестей, рассказов, пьес, изданных в Москве и Твери. Член Союза писателей России. В нынешнем июле Семёну Александровичу исполнилось 60 лет. Мы от души поздравляем его с юбилеем, желаем счастья, здоровья, неиссякаемых творческих сил.

ма не будет: уволился доцент с кафедры уголовного права, и школе позарез понадобился специалист. Попытки разубедить не действовали.

– Надо же, упёрся. – Лев Давыдович озадаченно положил трубку. – Вообще-то знал, что он хохол, но чтоб настолько! – Гаухман смущённо потерл свой острый, с горбинкой нос. – Сгоняй-ка ты сам в Саратов, реши на месте. Они же по закону должны тебя как молодого специалиста жильём обеспечить, а откуда в Саратове жильё?

Мудрый Лев Давыдович знал, что говорил. По приезду в Саратов я первым делом заглянул на кафедру уголовного права. Встретили московского выпускника с симпатией – преподаватель в самом деле был нужен. Но когда я упомянул о жильё, озадаченно переглянулись. Подвели к портрету заслуженного деятеля науки:

– Знаешь его труды?

– Ещё бы.

– Так в однокомнатной и умер...

В общем, к начальнику школы я явился подготовленным. Полковник Сдир принял тоже приветливо (“А! Молодой специалист. Заждались”). Просьбу дать открепительное письмо отнёс сразу (“Мне самому достойные кадры нужны!”). Уговоры, ссылки на человеколюбие, са-

мо собой, не действовали. Оставалось бросить главный козырь:

— Что ж, раз положено по закону, готов приехать. Где и у кого могу получить ключ от квартиры?

Сдир с усилием сохранил благожелательность:

— Квартира будет. Со временем. Пока поживёте в семейном общежитии.

Лукавый ответ меня не устраивал.

— Пока — это сколько? Месяц, два?

Сдир нахмурился:

— Год, два, сколько придётся. У меня заслуженные профессором по двадцать лет в очередях стоят, — в сердцах проговорился он.

— Они местные и стоят в очереди на улучшение. А у меня в чужом городе ничего и никого. Дома жена и восьмилетний сын. Вы мне их предлагаете на годы поселить в общежитии? Сколько после этого продлится моё семейное счастье?

— Если разрушится, значит, не ту жену выбрал. И вообще это ваше дело. — Непривычный к препирательствам начальник школы набылчился.

— Наше! — пошёл в разнос и я. — Закон касается обоих. Я обязан приехать на работу, вы — обеспечить квартиру. Готовы дать письменное обязательство?

Запас начального добродушия иссяк. Сдир поднялся, сухо впился в забывшего адьюнкта:

— Какая у вас была тема диссертации? Освобождение от уголовной ответственности? А надо бы ближе к карательному праву. Так вот закон здесь — я. Не вы первый, не вы последний. Приедете и будете работать. Или — нигде не будете. Через неделю жду. — Он густо обвёл дату в календаре. Будто колочей проволокой обмотал. — Начиная с этого дня — прогул.

Попрошались я кивком головы. Конечно, ультимативный, через губу тон задел. Но всерьёз я не испытывал обиды на полковника Сдира. Образовалась пробоина в учебном процессе, и он как мог торопился её залатать. Напротив, если бы произошло невероятное, и Сдир чудесным образом извлёк из кармана ключ от новенькой квартиры, я бы огорчился куда сильнее.

По возвращении в Москву сразу заскочил к Гуляеву, рассказал, что в откровенном письме отказано, но и жильё не предоставлено. На этом основании я подаю рапорт в УУЗ с просьбой разрешить продолжить службу во ВНИИ МВД, по месту жительства. Я был бодр, уверенный, что закон на моей стороне. Но прав оказался полковник Сдир — не те законы я изучал. Это стало ясно после визита в Управление учебных заведений. Хотя инспектор УУЗа выслушал меня сочувственно:

— Угораздило же тебя на Сдира попасть. Всего-то неделю как из отпуска вышел. С его замом в секунду бы порешали. Но этот... Если чего втемнится, колом не выбьешь. — Инспектор поскрёб затылок. — Ты не первый, кого Сдир через колено ломает.

— Но я же прав! — воскликнул я с показной горячностью. — Жильё мне по закону положено.

— Забудь. — Инспектор пренебрежительно отмахнулся. То, что мне казалось серьёзнейшим аргументом, здесь виделось пустой "отмазкой". — Но и последовать тебе хочется. Тем более насчёт тебя шефу, — он ткнул подбородком на дверь с надписью "Заместитель начальника УУЗа", — звонил Гуляев, просил помочь.

Я изумился: к моим потугам Анатолий Петрович отнесился сочувственно, согласился придержать под меня место, но о поддержке не обмолвился ни полсловом.

— Гуляев — мужик замечательный. И шеф мой Анатолию Петровичу рад помочь, — доверительно сообщил инспектор. — Но и со Сдиром запросто так нам ссориться не с руки. Сдир очень не простой. Чего доброго, начнёт жаловаться. Нужны ещё аргументы, которыми прикрыться можно. У тебя жена или сын, случаем, не болны чем-нибудь?

— Типун тебе на язык.

— Жаль, — инспектор огорчился. — Болезнь — это бы замечательно. А уж если у жены что-нибудь на грани неизлечимости... — Он мечтательно почмокал губами.

— Может, мне её сразу похоронить? — съязвил я.

— Сразу нельзя. Сначала надо разрешение на Москву получить, — отмёл иронию инспектор. — В общем, я подсказал, ты услышал. Попробуй достать что-нибудь эдакое, зубодобрыльное. — И он потряс кулаком.

Калинин тогда ещё был моим городом. Друзья-врачи расстарались на славу. Так что через два дня выяснилось, что жена моя, дотоле совершенно здоровая, внезапно подхватила какое-то невиданное респираторно-вирусное заболевание, при котором организм может комфортно существовать в Верхневолжье, выдохнет в Москве. А вот климат средней Волги губителен для его жизни.

Прочитав витиеватую справку, инспектор хмыкнул:

— Это ж совсем другое дело! — Он бережно подколол её к рапорту, вложил в папку "На доклад". — Шеф отбыл в инспекторскую поездку по областным школам. Вернётся, подмахнёт. Можешь считать себя москвичом.

Обнадёженный, я отправился с благодарностями к Гуляеву.

Командировка заместителя начальника УУЗа затянулась. За дни ожидания я успел перевезти вещи в новую комнату, жена (несмотря на злоевищий диагноз, по-прежнему здоровая) подала на работе заявление об уходе. Договорился насчёт перевода сына в химкинскую школу. И даже по поручению Гуляева подготовил статью для нового сборника трудов ВНИИ. У меня вообще вошло в привычку забегать по вечерам к человеку, неожиданно принявшему в моей судьбе живое участие. Он обсуждал со мной планы реорганизации отдела, что-то я помогал компоновать и даже вызвался разобрать ворох старых, сваленных в углу протоколов. Можно сказать, приступил к работе. Всё вроде бы шло прекрасно. Но чем дальше, тем больше в душе поселялось смутное беспокойство. Я гнал его от себя. Затянулась у человека командировка. Это бывает. Страна большая, школ много. Вернётся — подмахнёт. Никаких оснований для паники. Но мой оперативно-следственный опыт был тревогу: если преступление не раскрывается по горячим следам, то чаще всего не раскрывается вовсе. Если проблема не решается сразу, она не решается никогда.

Опасения подтвердились. Заглянув в очередную раз к Гуляеву, застал у него начальника адъюнктуры Майорова. Моё внезапное появление смутило обоих. Первым, как обычно, нашёлся Николай Иванович.

— Ты чего до сих пор не в Саратове? — вроде как удивился он.

Похуже, лицо моё вытянулось. В тоне Николая Ивановича за напускной суровостью проступило сочувствие:

— Пока ты резину тянул, дошло до Сдира. Вчера он приехал в Москву и встретился со своим старым другом, начальником УУЗа. Разумеется, пожаловался, что у него за спиной затеяли блатные интриги... В общем, насчёт тебя поступила директива: отправить зарвавшегося адью-

нктишку по месту целевого назначения. — Николай Иванович подбавил голосу строгости. — Так что хватай исподнее и жми в Саратов, пока по стенке не размазали. Всё понял?

Я понял. И сердце моё ухнуло. Потому что фамилия начальника Управления учебных заведений МВД была... Черненко. Александр Устинович. Александр — это, конечно, не Константин. Но при старшем брате — генеральном секретаре ЦК КПСС — слово младшего в МВД было уве-систо, как бульжник на шее утопающего. Как раз таким утопающим я себя и ощутил.

— В УУЗе тебя с утра разыскивают. — Майоров придвинул ко мне телефон.

Инспектор УУЗа, ещё недавно фамильярно приветливый, на этот раз чеканил слова:

— Рапорт оставлен без удовлетворения. Вам надлежит

в течение трёх дней приступить к работе по месту распределения.

Трубку он положил, не попрощавшись. Отныне я был для него проигравшим. А значит, виноватым.

— Что ж теперь? — бесцельно пробормотал я.

— А что остаётся? Собирайся и езжай. — Добрейший

Николай Иванович смущённо потерял массивную оправу очков. — Чай, не в ссылку.

— Как раз в ссылку. — Я скопился на Гуляева. Тот, напустив нижнюю губу на верхнюю, хмуро отмалчивался.

Выходя, расслышал фразу Майорова: "Что ж делать? Бери другого. Тот тоже неплохой парень". Конечно, для них от перестановки мест слагаемых сумма не изменится. Но я-то и был тем самым единственным слагаемым, которое переменяют. Участь моя казалась predetermined. И всё-таки смириться я не желал. Всеми помыслами был в Москве. Едва защитив кандидатскую, кипел от нетерпения засесть за докторскую. Мечтал, подобно своим учителям, ворваться в элиту правового сообщества. Мне казалось, что я имею, что сказать в науке. И если скажу в Москве, это расслышат и заметят. В далёком же Саратове окажусь один, без друзей, без связей. Буду обречён впрячься в унылую преподавательскую подёнщину. Никому не интересный, возможно, надломленный. Так мне тогда казалось.

Я ещё пометался, взвесил все "про" и "контра" и... написал рапорт на увольнение. "В конце концов, кандидаты наук всюду нужны — на гражданке тоже есть правовые вузы, — убеждал я себя. — В крайнем случае пойду в адвокаты. Не пропаду".

Я храбрился, выдавая желаемое за действительное. Из МВД, как из армии, по собственному желанию редко отпускают. А уж уйти против воли Александра Устиновича Черненко... Увольнение без выходного пособия в формулировкой "за дискредитацию звания работника милиции" выглядело бы глумлением. И — какие после этого вузы и адвокатуры захотят иметь дело с "меченым"? В лучшем случае светило мне сторулёвое юрисконсульство на какой-нибудь мебельной фабрике. Тем не менее я решился, сцепив зубы, пройти этот путь до конца.

На следующий день приехал в УУЗ. Инспектора на месте не оказалось. Можно было подождать. Но я боялся утратить решимость и смалодушничать. Потому, отскекая пути к отступлению, оставил рапорт на столе, а сам отправился в академию прочтаться с друзьями и знакомыми. Об указании Черненко все уже, само собой, знали. И разговаривали со мной соответственно: сочувственно, но отстранённо. Как со смутяном, выслаемым по высочайшему повелению. Само собой, забежал я и к Гуляеву —

поблагодарить за участие. Дело шло к вечеру. Но Анатолий Петрович, как обычно, корпел над документами.

— Что? — поднял он голову.

— Всё! — скорбно отвечивал я. Рассказал об оставленном рапорте. Положил папку с разобранными лабораторными материалами. Напоминаю о первом знакомстве, бравое подтянулся, вскинул руку к несуществующему козырьку. — Разрешите отбыть в самостоятельное плавание? — Под свинцовым взглядом Анатолия Петровича я сбился с бодряческого тона. — А что остаётся? Ползти побитым псом к ногам Сдира — противно глазу. Лучше уж так.

— Быстро сдаёшься, — процедил Гуляев.

— Сдаюсь?! — Я-то как раз ощущал себя богоборцем. — Да я всё, что мог. До конца.

— Уверен, что до конца?

Я кивнул. И тут Анатолий Петрович произнёс фразу, поразившую меня на всю оставшуюся жизнь: "Стало быть, пришло время главного ресурса". Он поднялся, потянулся к полковничьей шинели:

— Езжай домой и сиди на телефоне.

Прошло два дня. Жена моя с малолетним сыном сидит на чемоданах в Калининне, в родительской квартире. Сам я мечусь по пустой, заставленной коробками и катушками комнате и накручиваю километры меж окном и телефонной тумбочкой. Хочется вымзвать, чтоб ни о чём не думать. Но возбуждение столь велико, что не могу влить в себя даже рюмку. С завистью слушаю развесёлые матерные выкрики за стеной, где сосед-краснодеревщик впал в очередной многодневный запой. Счастливчик! Я убеждаю себя смириться с неизбежным — шансов на положительное решение нет. И всё-таки что-то поддерживает во мне слабую надежду. И это "что-то" — тяжёлый взгляд человека, прошедшего таинственную фразу: "Пришло время главного ресурса". Впрочем, к вечеру третьего дня надежда угасла. Тогда-то и позвонили. В трубке послышался голос инспектора УУЗа:

— Семён Александрович? (кажется, он впервые назвал меня по отчеству). Вам разрешён перевод на работу во ВНИИ. Можете оформляться. Поздравляю.

Сквозь официальный тон угадывалась легкая обалделость.

Я положил трубку и опустился там, где стоял. Послышался нежный, поздравительный перезвон. Я сидел на продавленной коробке с хрусталём и бессмысленно улыбался.

Много позже я узнал-таки, что это был за "главный ресурс". Оказывается, Анатолию Петровичу Гуляеву в своё время случилось оказать Александру Устиновичу Черненко серьёзную услугу. И он напомнил о ней, попросив взамен откровения для меня. Черненко, связанный обещанием Сдира, готов был выполнить любую другую просьбу, но Гуляев, поджав губы, настоял. Кстат, сам Анатолий Петрович ни разу эту историю не подтвердил. Подробности я узнал от инспектора УУЗа, подслушавшего обрывок горячего спора.

Предлагаю вникнуть. У Гуляева, как у всякого из нас, была куча проблем, в том числе незащищённая докторская диссертация, разбитая в аварии "Волга", застарелая очередь на жильё для незамужней дочери. Слово брата генсека шутя решало любую из них. А он истратил уникальную возможность, чтобы помочь пусть симпатичному, пусть перспективному, но совершенно постороннему парню.

В момент моего прихода в лабораторию положение Анатолия Петровича было шатким. Гуляева назначили начальником отдела на место профессора Корнеевой. Именно она создала этот отдел, подобрана и выставляла молодых ребят, ставших его сердцевинкой. Птенцов гнезда Корнеевой. А ушла она, не сработавшись с самодуром – начальником института. Смириться с увольнением любимого руководителя “Птенцы” не желали и приняли поклёвывающую преемника. Гуляев с его тяжеловесной манерой общения, тягучей речью словно специально подставлялся под насмешливые сравнения с искромётной Корнеевой. В лаборатории с чьей-то лёгкой руки его окрестили Гулливером. Злоязыкий шутник, обыгравший небольшой росточек, не подозревал, что попал в точку. Потому что это в самом деле был Гулливер – великодушный, преданный делу, которому служил. Намешки за спиной, открытая язвительность при публичных обсуждениях стекали с него, как вода по дождевику. Он будто не замечал их, следуя избранным путём и заставляя следовать им остальных. И прежние непримиримые отступились. Они продолжали звать его Гулливером. Но теперь уже совсем с другой, озадаченной интонацией.

Говорят, наши недостатки – продолжение наших достоинств. Непокоримое упорство, спасшее меня осенью 1984 года, вскоре стало причиной бесчисленных стычек меж нами. В 1985 году я был включён в авторский коллектив по подготовке пособия “Задержание подозреваемых”. Подходил срок сдачи пособия в РИО. А руководитель темы Гуляев лежал со сломанной ногой в госпитале (в пятьдесят лет на футбольном поле пошёл в жёсткий стык). Вместе с третьим членом нашего авторского коллектива – Серёжей Забариным (ныне – известный московский адвокат) – мы навестили его, дабы снять последние мелкие замечания. Нам казалось, что мелкие. Но первое же наше предложение: прописать в пособии требование, чтобы фактических подозреваемых не допрашивали в качестве свидетелей об обстоятельствах совершения ими преступления, вызвало решительный отпор. Все попытки убедить Гуляева откатились. Я вновь ощутил хорошо знакомый железобетон. И как при первой стычке, в свою очередь, вскипел. Посыпались искры. На звуки ругани начали заглядывать обеспокоенные больные, медсёстры. Спихавшись, мы с Забариным замолчали. Гуляев недоумённо напустился:

– Ну, что умолили? Продолжайте, доказывайте. У нас же живая полемика. Каждый открыт для убеждения.

Не стовариваясь, мы с Серёжей бессильно рассмеялись.

За этот фрагмент отвечал я. Сдал его Гуляеву в том же виде, какой отставил в госпитале:

– Хотите, сами правьте. Только тогда снимите мою фамилию.

Нужно отдать должное Анатолию Петровичу – он не изменил ни строчки. Видно, поразмыслив, согласился. Впрочем, точно так же от него страдали и люди, куда более высокопоставленные: руководители Верховного суда, прокуратуры, МВД – все, кому доводилось вместе с Гуляевым готовить бесчисленные законодательные проекты, предложения и рекомендации. Как всегда, убеждённый в своей правоте, Гуляев давил любого оппонента. Ни регалии, ни звания, ни титулы не могли заставить его отступить от того, что считал правильным. Я долго удивлялся, почему же упёртого, беспокойного этого человека продолжают приглашать в высокие комиссии, где так ценится благолепие и единодушие. Да пото-

му, что во всяком деле нужен двигатель. А моторный трудоголик Гуляев вытягивал любое, самое безнадёжное поручение, расчищая преграды и завалы с неотвратимостью маленького шагающего экскаватора. Хорошо помню конец восьмидесятых. Институт, как и вся страна, бурлил. В ожидании счастливых перемен никто не работал. Времени с девяти до восемнадцати едва хватало, чтоб перечитать ворох свежих газет. В куртках, коридорах, в кабинетах нескончаемые диспуты о будущем державы. Весомее и авторитетнее всех почему-то голоса первых институтских лоботрясов. Начальник лаборатории, прежде жёсткий поборник дисциплины, ходит по кабинетам и – знак демократических перемен – караулит свою очередь на журнал “Огонёк”. И посреди этого гвалта, склонившись к столам, корпят два человека. Гуляев и другой Гулливер – Анатолий Павлович Дубровин – готовят методические рекомендации для Главного следственного управления МВД.

– Сеня! – подзывает меня Гуляев. – Давай посоветуемся насчёт рекомендаций...

– Какие, помилуй бог, рекомендации? Кому они сейчас нужны? Страна разваливается!

Оба непонимающе смотрят: при чём тут развал, если есть поручение?

Я вот теперь думаю: если бы таких Гулливеров было хотя бы по одному на десяток, может, и развала страны не случилось? Но случилось. В девяностые, тухлые годы, страна жила, как девка, изгуливаемая, пропившая всё из дома. Все ходили потерянными, пришибленными. Каждый приспособлялся к новой действительности как умел. Сам я, не защитив докторскую, сбежал в банк. Профессора, учившие меня служению науке, презрительно кривившиеся при слове “плагиат”, кропали диссертации для выбившихся в депутаты олухов. Встречи с прежними коллегами начинались и заканчивались жалобами на униженное безденежье. Гуляев и здесь выбивался из общего ряда. Преподавал в пяти-шести вузах сразу, подрабатывал статьями для коммерческих журналов. Хватался за всё и всё успевал. Будто пересел с шагающего экскаватора на юркий бронетранспортёр. Но говорить об этом решительно не желал. Потому что жил и горел совсем другим. Все знали, что Гуляев активно пробивает проект нового уголовно-процессуального кодекса. И при редких встречах с бывшими “лабораторцами” спешил любой разговор повернуть на то, как быстрее поменять законодательство и тем самым положить конец беззаконию (наивно увязывая одно с другим).

– В Госдуме сопротивление большое, каждый абзац в УПК приходится пробивать, – жаловался Анатолий Петрович. – Кстати, послезавтра мне на комитете одно спорное место защищать – давайте-ка обсудим. Сеня, поставь рюмку. Успеешь надрасть!

– Анатолий Петрович! Может, хоть сегодня отдохнёте?

– Как это? Удобенькая позиция. Я отдохну, ты отдохнёшь. А кто дело делать будет?

И, конечно, он превращал умиротворённое дружеское застолье в яростный научный диспут.

Мне кажется, главное свойство Гуляева – убеждённость, что без его контроля всё пойдёт наперекосяк. Это я понял ещё в восьмидесятых, когда на своём “жигулёнке” повёз подвыпившего Анатолия Петровича домой. Через минуту он вынул из меня душу: “Тормози! Куда подразаешь? Какой олух выдал тебе права? Да пропусти же “Москвича”! А вот теперь газуй!” Прямо на перекрёстке я

ударил по тормозам так, что Гуляева мотнуло к лобовому стеклу.

– Анатолий Петрович, при всём уважении, если не заткнёшь, высажу к чёртовой матери. Иначе врежусь.

Гуляев озадаченно оттопырил губы:

– Ладно, прав. Два водителя на переднем сиденье – перебор. Замолкаю и больше ни слова. Езжай как умеешь. Авось дотянешь... Вот и славненько, теперь переходи на третью передачу... Да что ж ты со второго ряда-то?

На собственном семидесятипятилетии Анатолий Петрович затюкал нечастного тамаду и выступающих. Сам представлял, перебивал и комментировал поздравительные речи.

– Петрович, дашь ты наконец мне самому сказать?! – взмолился Анатолий Павлович Дубровин. А я усмехаюсь: не даст. Когда доходит очередь до меня, Гуляев предупреждает:

– Только не вздумай опять рассказывать саратовскую байку!

А я всё равно рассказываю. Хотя прошло уже двадцать пять лет. Но все эти годы я продолжаю спрашивать себя, смог бы сам так же пожертвовать чем-то очень важным ради малоизвестного человека. И всякий раз признаюсь – нет. Не хватило бы душевной широты. А у вас? Только честно. Один на один с собой. То-то. Потому он – Гулливер! Из редчайшей породы Гулливеров.

НЕ ТОТ ПОКРОЙ

В прохладное фойе Академии МВД на улице Космодемьянских я влетел через парадный вход и по привычке метнул озабоченный взгляд на противоположную стену. К моему облегчению, часы показывали без двадцати четыре – до начала заседания кафедры уголовной политики оставалось аж двадцать минут. В кои веки не опоздал.

Наступало вечернее время. Занятия закончились, большинство слушателей и преподавателей разошлись. Закрылся газетный киоск у окна. А потому фойе, с утра бурлящее от людей, выглядело настолько пустынным, что из закрывшейся столовой доносилось позвякивание убираемой со столов посуды.

Избыток времени развращает. Я вдруг почувствовал вальяжную расслабленность. Вопреки намерению бежать на кафедру, неспешно прошел к доске объявлений, разыскал информацию о дате интересующей меня защиты и только после этого направился к лифту, возле которого в одиночестве скучал незнакомый мне приземистый генерал-майор с портфелем из крокодиловой кожи, огромным, будто свернувшийся аллигатор.

Шестиэтажный центральный корпус Академии МВД – здание солидное, сталинской постройки, с высоченными потолками, а стало быть, с длинными лестничными маршами, – смело умножал этаж на два “хрущёвских”. И добраться пешком до шестого этажа, а оттуда в боко-

вой корпус, где размещалась кафедра уголовной политики, – это требовало серьёзных физических усилий. К четвёртому этажу дыхание делалось прерывистым, к пятому сам собой высовывался язык. На шестой выбрасываешься истощённым усилием, будто захлёбывающийся ныряльщик.

Лифт в академии был, прямо скажем, непростой, подняться на нём в часы пик считалось делом малореальным. Реагировал он лишь на команды находившихся внутри. Но даже если кабина оказывалась пуста, и ты, обнадёженный, пытался вызвать её снизу, любой, нажавший на кнопку одного из верхних этажей, легко перехватывал твой вызов и угонял лифт в нужном ему направлении – зачастую чтоб подняться, скажем, на один этаж.

Потому на первом адыонкстском году, переполненный впечатлениями и планами, я, не задумываясь, устремлялся на штурм экстрим-лестницы. Но за прошедшие два года, надо признать, обуркался. В том смысле, что стал неспокоителен, а потому – неспешен.

Слегка поколебавшись, я присоединился к генералу. Зайдя сбоку, чтоб оказаться в зоне видимости, несколько заискивающе кивнул – в преддверии скорой защиты диссертации я вдруг сделался подобострастен. А что, на всякий случай. А генерал, тем более незнакомый, – это всегда “случай”. Где, к примеру, гарантия, что он не окажется членом учёного совета?

Ни плечи, на удерживающая портфель рука на приветствие не отреагировала. Голова не поколебалась. Лишь короткая, в жирную складку шеи изобразила что-то вроде намёка на кивок.

То есть не то чтоб он поздоровался. Скорее, подтвердил, что моё приветствие констатировал и учёл.

Лифт меж тем задерживался. Судя по звукам, плутал где-то в районе четвёртого-пятого этажей.

Ждать я не люблю вообще. Даже в метро, когда останавливается движение, меня охватывает желание выскочить из вагона и прилупить бегом. Пусть даже через пол-Москвы.

Уже спустя пару минут я ощутил первый зуд нетерпения. Тут опаздываешь, а какая-то ленивая сволочь, убивая рабочее время, не соизволит подняться своим ходом с четвёртого этажа на пятый. А то и спуститься с пятого на четвёртый.

Я раздражённо хмыкнул, ожидая поддержки от генерала. Тем более он-то дождался лифта куда дольше моего.

Но он стоял в той же позе и с тем же глубоко задумчивым видом, что и прежде. Явно сосредоточенный на куда более важных проблемах.

Завистливо вздохнув, я прекратил беспокойство. Но ненадолго. Хотя что значит “ненадолго”?

За это время я несколько раз порывался рвануть наверх на своих двоих. Но всякий раз доносился обнадёживающий скрип закрывающейся двери. Да и ноги, налившись тяжестью, как-то приятно приросли к полу. К тому же появилось что-то сродни азарту. Академических генералов я знал всех. И теперь мне сделалось весьма любопытно определить, куда проследует незнакомец. Ясно было, что ему, как и мне, нужен один из верхних этажей. Так куда он направится – на кафедру оперативно-розыскной деятельности или криминологию?

Впрочем, ещё через пять минут иссякло и любопытство – заседание кафедры вот-вот начнётся.

– Что они там, катаются, что ли? – буркнул я в ожидании поддерживающей реплики. Но слова мои, как и всё

суетное, не задели генеральских ушей. Ни поза, ни погружённый в себя взгляд не изменились. Будто у кремлёвского курсанта на первом посту. Разве что костяшки правой руки, удерживающей портфель, слегка побелели.

Да, как сказал бы Максим Горький, матёрый выдался человекчище!

Когда я окончательно решился начать пешее восхождение, лифт вдруг подошёл. Это было столь неожиданно, что я, пропуская генерала, даже ногу внутрь протиснул, чтоб видение не исчезло.

Дождавшись, когда он разместится поудобней (а делал он это по-прежнему достойно и основательно), я вопрошительно пошевелил пальчиками меж пятой и шестой кнопкой.

И тут попутчик мой, к полному моему обалдению, нырнул мягкой ладошкой под мой локоть и ткнул в цифирку “два”. После чего замер с прежней отрешённостью, будто на старте многомесячного космического полёта.

Через пару секунд створки лифта растворились на втором этаже. Но прежде чем генерал сделал шаг, внутрь заглянуло озабоченное женское лицо. При виде генерала оно вспыхнуло нечаянной радостью:

– Господи! Владимир Алексеевич! Золотце наше. Где вы ходите-то? С полчасика как все собрались. Начальник академии, замгенпрокурора подбехал. И не можем без вас начать – кворума нет!

– Дела, голубушка. Уж так торопился. Едва поспел, – объяснился генерал и с прежней, знакомой мне неспешностью двинулся следом за суетящейся провожатой.

В эту минуту я точно понял, что никогда не дослужусь до генерала – не тот покров. Впрочем, полковником стать мне тоже оказалось не суждено.

Но это уже совсем другая история.

КАК Я НЕ СТАЛ ПОЛКОВНИКОМ

Начальнику докторантуры Академии МВД Николаю Ивановичу Заворухе было около шестидесяти. Но он по-прежнему оставался бодрым, красивым молодым. Более того, красавцем он сделался с возрастом, когда в пышную не по годам шевелюру обильно набрызгало седины, а тонкие морщины на лице приобрели сходство с кракелюрами на старинных полотнах. Несколько портила бравый вид полковника толстенная роговая оправка на носу. Но и она была к месту. Не потому, что уж так хороша, а потому, что напрочь скрывала его глаза. И опять же дело не в том, что глаза у Заворухе не удались или выгорели с годами. Нет, в яс-

ную минуту было видно, что они сохраняли исконный васьковский отлив. Только вот ясных минут у начальника докторантуры с годами становилось всё меньше.

Николай Иванович крепко – и чем дальше, тем крепче – зашибал.

О причине я догадался, когда он, смущаясь, попросил меня помочь дальнему родственнику жены, осуждённого на “химию” в Тверскую область.

Дальний родственник оказался бойким, развязным малым лет под тридцать, карточным шулером и негодяем. О его истинных отношениях с “дальней родственницей” я очень скоро услышал от руководителей спецкомандатуры. Едва ли не каждую неделю та приезжала навестить “бедного мальчика” и забирала его на ночь в местную гостиницу. Да и сам он с развязностью избалованного школьника запросто намекал малознакомому человеку на забавную, по его мнению, интрижку со старушенцией (сорокалетняя жена Николая Ивановича была лет на двадцать моложе мужа).

Николай Иванович, похоже, знал или догадывался о проделках жены, страдал и лечился от тоски самым русским из всех лекарств.

Едва придя в десять утра на работу, он усаживался в кресло за широким столом, заваленным бумагами и принимался постукивать ногой об пол с ритмичностью наигрывающего гаммы музыканта. Сначала неторопливо и неспешно, затем более энергично, наконец раздражённо бухая каблуками, будто задавшись целью проломить пол. Гулкие звуки разносились по соседним помещениям. И тогда в кабинет заглядывала методистка Галочка.

– Кого надо, Николай Иванович?

– Не тебя, – бурчал Заворухе, не прекращая выстукивать чечётку.

Так происходило едва ли не каждый день. Колотил он до тех пор, пока в кабинете не появлялся тот, кого он жаждал увидеть – начальник кафедры ОРД полковник Ребякин. Недовольный, с припухшим после вчерашней выпивки лицом.

– И чего бухать? Чего бухать? Потолок скоро рухнет. Ты, Коль, прямо стахановец, – чуть кокетливо ворчал Ребякин. – День только начинается.

– Утром выпил, день свободен, – в ответ декламировал Николай Иванович и извлекал из ящика стола блюдецко с подсохшим кружочком лимона. Следом намекая придвигал к Ребякину два плохо вымытых стакана.

– Я думал, у тебя есть. – Ребякинская физиономия разочарованно вытягивалась.

– Было бы, на хрена б мне тебя звать?! – отбрыкивал в полном расстройстве Николай Иванович.

Ребякин не обижался. На Николая Ивановича вообще не обижаются. Все знают, что крикливый матерщинник Заворухе – незлобивый, к тому же порядочный человек. То есть если жизнь не заставит совершить подлость, Николай Иванович её никогда и не совершит. Благодаря отходчивости и отзывчивому характеру дружок у Николая Ивановича море. В том числе среди тех, кто занимает высокие должности в МВД. Наверняка они продвинули бы наверх Заворухе, если б не его укоренившаяся привычка выпивать на работе.

Впрочем, благодаря могучему, не до конца ещё надломленному организму обильные возлияния до поры до времени проявлялись больше в чрезмерной пигментированности, и всё. Упавшая друтих, сам Николай Иванович оставался на ногах.

Но как раз в последние месяцы здоровье дало усадку. У Николая Ивановича, словно у мифического Портоса, начали разбухать и, что хуже, отказывать ноги. Особенно после обильного возлияния. Уже дважды поздно вечером адъютанты, дождавшись, когда разведется начальство, скрытно выносили подгулявшего шефа через КПП-2 и укладывали в такси.

Как раз в это время мне и довелось особенно тесно с ним общаться: для завершения работы над докторской диссертацией я был зачислен в докторантуру Академии МВД, то есть попал в прямое подчинение к полковнику Заворухе. Мы быстро перешли на “ты”.

Надо отдать Николаю Ивановичу должное: чрезмерной опекой он не докучал, а мелкие докторантские проблемы решал, не выходя из кабинета, на бартерной основе – бутылка, и нет проблем.

Несколько раздражала меня крикливая – сверху вниз – манера разговора Николая Ивановича: для него я навсегда остался молодым адъютантом образца начала восьмидесятых. Но для меня-то разница была. За прошедшее десятилетие я кое-чего добился. И в докторантуру пришёл с должности ведущего научного сотрудника. К тому же тогда я был капитаном, теперь – подполковником. Предложение стать полковником пришло от самого Николая Ивановича – как всегда, неожиданно. В выпивающей широкой – пять-шесть человек – компании из начальников кафедр и профессоров, куда я затесался, Заворухе провозгласил то-то:

– За нас, молодых и любвеобильных полковников!

– А полуполковникам выпить можно? – нехотяти встряял я.

– Это ты, что ли? – озадаченно сообразил Николай Иванович. – А хрен ли тогда со свинным рылом влез в калашный ряд?

– Так он водку покупал, – вступились за меня. – Да и вообще хороший парень.

– Какой же он хороший, если даже не полковник? – резонно возразил Николай Иванович.

– Вот и сделай из него полковника. Одним больше, одним меньше, эка величина, – бросил, к неудовольствию остальных, Ребякин (на него самого с неделю как направили представление на генеральское звание. С того времени к прежним друзьям-полканам он почувствовал необоримое пренебрежение).

– Не получится из меня пока полковник, – охладил я ходоатаев. – У меня по предыдущей должности потолок подполковничий.

Николай Иванович отчего-то обиделся:

– Не полу-читись! С кем дружишь, салага?! С Заворухе-вым! А для Заворухе ваши положено – не положено не существуют. Надо – сделаю! Чтоб завтра ко мне с представлением на звание. Через пару месяцев обмыкать будем! – под одобрительный гул объявил он.

На другой день я вошёл в кабинет начальника докторантуры и положил перед ним отпечатанный текст.

День задался: к двенадцати Николай Иванович ос-тавался всё ещё не опохмелённым.

– Чего-й-то? – Он хмуро, не в силах считать за повер-тел непонятный документ.

– Так вот... Представление на полковника.

– На тебя, что ли? – Николай Иванович гыкнул. – Ишь куда понесло! Пацан пацаном, а тудя же! Послужить толком не успел. Думаешь, если в друзья набился, то...

Кровь бросилась мне в лицо:

– В друзья я ещё ни к кому не набивался. А это... Сам вчера предложил.

Я потянулся забрать представление, но Николай Иванович быстрой переложил его на другой угол стола:

– Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя начальнику – тут же вспыхивают! И впрямь, думаешь, не помню? Моё слово – кремень! Сказал, значит, быть по сему. Через месяц станешь полковником!.. Слушай, у тебя выпить с собой нет?

Как же, нет! Кто ж сюда по нужде да без спиртного заходит?

Выгузав бутылку водки, я уклонился от предложения составить компанию и, обнадёженный, откланялся.

Напомнил я Николаю Ивановичу о представлении месяца через два. И тем очень его огорчил.

– Почему столько молчал?! Давно бы всё порешали. Кому из моих представление передай?

– Вообще-то из рук в руки.

– Унизить хочешь? Может, и мне. Видишь, сколько работы скопилось? – Николай Иванович тоскливо вздохнул, беспорядочно блеснул глянцевый журнал “Плейбой”.

– Тут не абы как – кинул начальнику, а сам вроде и не при делах. Тут сопровождать надо. Сейчас живо повторю. А завтра в управление кадров отправлю.

И повторил. Как выяснилось, и через полгода не отп-равил.

Как-то я напомнил.

– Э, чёрт! Никому передоверить нельзя, – расстроился Николай Иванович. – Понимаешь, я ж после нашего разговора на больничный попал. Передоверился методистке. Думал, отправит с нарочным. А теперь, конечно, где тут найдёшь?

Куча на столе и впрямь сделалась огромной и бесформенной, словно снежный завал.

– Выгоню я её к черту! – Николай Иванович потянулся к звонку.

– Не мятать девку, – остановил я. – Не хочешь делать, нечего было трепаться. Я ж не навязывался.

– Опять хамишь, – огорчился Николай Иванович. – Вот чуть дашь поблажку, и тут же норовят на шею сесть. Знают, что шея у Заворухе толстая.

Я поднялся, но полковник с неожиданной резвостью перехватил мой рукав и с силой вернул на стул.

– Ладно, чего там? Не дуйся – не девочка. Пиши в последний раз. Лично отвезу. Сказано – сделано. Хоп?

– Хоп, – нехотя согласился я. Хотя почему “нехотя”?

Прошли очередные три месяца. Иллюзии мои по поводу полковничьего звания растаяли окончательно. И тут как-то я заглянул к Заворухе подписать очередной отчёт об итогах работы докторанта.

Истекал третий и последний год докторантуры.

Николай Иванович восседал за столом непривычно свежий и – что вовсе в диковинку – энергично разгребал скопившиеся завалы.

“Может, завязал”, – подумалось мне.

– Какого лядя без стука прёшь? – в своей манере поздоровавшись Заворухе.

– Подмахни отчёт и уйду. – Я протянул лист бумаги. Вопреки обыкновению, Николай Иванович пробежал текст глазами и отшвырнул:

– Иди перedelывай. Третий год в докторантуре, а не научился отчёты оформлять.

Отчёты эти штамповались из года в год почтитель под копирку. Лишь подновлялись цифры да названия пуб-

ликованных работ. Нахмурившись, я принялся перечитывать: может, методистка кафедры что напутала? Но нет, всё в полном порядке, и я раздражённо вернул лист на место, припечатав сверху собственной ручкой.

— А я говорю, оформлено неверно! — Ручку Заворуев, повертев, сунул в карман, а отчёт вновь пихнул мне в руки. — Что у тебя в конце?

— Подпись, — съязвил я.

— Полностью прочти.

— Докторант кафедры уголовной политики и права кандидат юридических наук подполковник милиции Данилюк. За фамилию, если не нравится, извиняйте. Выхду замуж, смену.

— То, что Данилюк — полбеды. Бывает и хуже. А то непорочно, что подполковник. — Николай Иванович добавил голосу строгой торжественности. — Болтайтесь где ни попадя, только не на рабочем месте, потому и не знаете ничего. Полковника тебе присвоили.

— Шутить? — растерялся я.

— Есть у меня время за всяким шутить. В спецсписке подписали. Куда только приказ опять зафитинили? Три дня назад сверху лежал. Иди, переписывай. Ну, и...

— Это уж само собой, — радостно пообещал я. А на пороге застыл. Пристально вглядываясь в начальника докторантуры: — Но это точно?

— Кому не доверяешь, мальчишка? — громыхнул Николай Иванович, плохо скрывая удовольствие. — Заворуев сказал, Заворуев сделал. Двигай, полковник! А я пока приказ этот разрою. Такая гулька тут в тот день была!..

— Спасибо, Николай Иванович! — с чувством выдавил я и помчался на свой пятый этаж.

Когда я ворвался к методистке, та, сидя за машинкой, хмуро разбирала каракули начальник кафедры.

— Арлетта Михайловна, откладывайте эту фигню. Надо перепечатать мой отчёт, — нахально потребовал я. — Ошибку мы с вами в конце допустили. — Я сделал вкусную паузу. — Оказывается, мне полковника пару дней назад присвоили. Так что вы уж перебейте, а я пока в магазин сгоню — поглянуть накрывать будем!

Новости разлетаются моментально. Меня охлопывали, поздравляли. Старшие, скрывая недоумение, молодые — зависть. Неприветливо расстроенным выглядел лишь доцент Доренок, третий год безуспешно хлопотавший о полковничьем звании.

Минут через сорок я влетел к Заворуеву, раздумывая, словно именитый пирог, с перепечатанным текстом в левой руке и увесистым пакетом в правой.

— Товарищ полковник, полковник милиции Данилюк прибыл для начала торжества! — бодренько принялся рапортовать я и — осёкся. Уже больно тих и непривычно печален сделался Николай Иванович.

Предчувствия, увы, не обманули.

— Какой ты, на хрен, полковник, — пробурчал Заворуев, отводя глаза. — Нашёл я, понимаешь, приказ.

— Ну и?..

— Что ну? Нукает он... Я-то за тебя радел. Вот и показало. Я ж помнил, что подписывал! Полагал, на тебя. А оказывается, это Доренок по пьянке на себя подсунил. Дым тогда коромыслом стоял, вот и смешалось у меня. Ты-то носу не кажешь, а другие куда прытче. И как сразу не разглядел? — Заворуев сокрушённо мотнул буйной головой.

— Как не разглядел — это я и без прорицателей угадаю! — процедил я, поднимаясь. Злоба и горькое разочарование требовали выплеска.

— Семён, остынь!

— Нет уж, спасибо, Николай Иванович, как-нибудь в другой раз!

Выходя, я невольно покосился на начальника. Заворуев откинулся в кресле, закинув голову к потолку и сдвинув на лоб массивные очки. Боль и тоска тонули в васьковских глазах.

Преодолевая внезапную жалость, я на прощание почувствованно хлопнул дверью. Спустился на кафедру, где личный состав в нетерпении дефилировал у накрытых столов. При виде меня все приободрились. Заместитель начальника кафедры Ревин, готовясь произнести тост, подхватил рюмку. Но я грубовато остановил его:

— Позвольте мне нарушить традицию и сказать первое слово самому. Предлагаю выпить за очередного кафедрального полковника... — сгорая от стыда, я орлом оглядел сослуживцев. — За Анатолия Ивановича Доренка! Номер приказа...

На недоумённые взгляды я рассмеялся, плохо скрывая горечь. — Заворуев в приказе фамилию спутал. Со званием тебя, Толя!

— Я всё-таки сгоню — посмотрю. Заворуеву верить на слово — это... — и раскрасневшийся Доренок высочился из помещения.

Но на этот раз ошибки не произошло, и гуляние потянулось своим чередом. Ничто не изменилось, даже повод.

Больше в кабинет к Заворуеву я не заходил.

А через два месяца Николай Иванович погиб под колёсами машины. Подшофе перебежал Ленинградский проспект, и вдруг отказали могучие ноги Портоса.

Чуть позже, когда меня пригласили на интересную работу и я прямо из докторантуры подал рапорт об увольнении, состоялся разговор с начальником управления кадров.

— А почему ты полковника не получил? — пролистав дело, удивился он.

— Так ведь не положено. У меня потолок подполковничий. Заворуев пытался помочь получить, но, как говорится, без успеха.

— Потолок... Пытался помочь... — хмыкнул Шалиско и сам себя оборвал — он, как и все, любил покойного. — Ко мне бы хоть раз заглянул — давно бы оформили. И что вы за люди такие — учёные? Корпите месяцами не пойми над чем, а в собственные регламентирующие приказы заглянуть не удосужитесь. Согласно Положению о докторантуре вам может быть присвоено звание на ступень выше. И дел-то было — отправить бумагу в министерство. Так-то!..

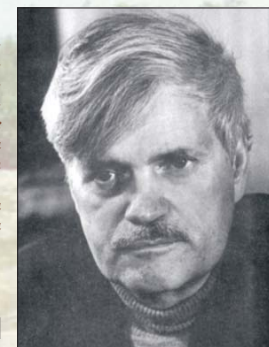
Что ж. Выходит, не суждено было мне уйти в отставку полковником. Да и бог с ним!

Мир праху твоему, добрейший Николай Иванович!

★

Анатолий Александрович БОГДАНОВИЧ родом из Ростова-на-Дону. Его детские годы прошли на Кубани, на необъятных степных просторах. Вот почему кормилица-степь стала одним из главных действующих лиц всего его творчества. Окончив Новошахтинское горнопромышленное училище, добывал уголёк, после Пензенского училища механизации — поднимал целину. С 1962 по 1969 год служил во внутренних войсках. Начинать рядовым, заканчивал старшиной, корреспондентом дивизионной многофразки "Всегда начеку". С той поры и связывает Анатолия Александровича крепкая дружба с нашим журналом.

Он автор многих поэтических книг, член Союза писателей более чем с тридцатилетним стажем. В минувшем месяце ему исполнилось 70. Мы от души поздравляем поэта с юбилеем, желаем бодрости и здоровья и, разумеется, новых стихов и книг.

АНАТОЛИЙ БОГДАНОВИЧ

СВЕТЛАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СТЕПЬ

* * *

Бежит волна
По травмам за волною,
Польною горькой
Пахнет от степей.
И плещет ночь
Падучею звездою,
И сумрак на востоке
Всё светлей.
Возшло светило красное
И видит —
Вдали застыло облако,
Как снег...
А я всё жду и жду,
Быть может, выйдет
С копьём из-за кургана
Печенег.

* * *

Серебряная память!
Походные костры.
Засады и атаки,
Бессменные посты.
Точённая ветрами,
Калённая в крови,
Серебряная память
Лежала среди травы.
К шершавой рукоятки
Притронулась рука...
Серебряная память
Из ножен потекла.

* * *

Задумчив летний вечер
на Кубани.
Не шелохнутся травы, высоки...
Пасётся конь в сиреневом тумане

И пьёт прохладу голубой реки.
Потом подолгу фыркает,
гривастый,
Глаза уставя в звёздные миры.
Как будто он пришёл к нам
повидаться
Ещё из добензиновой поры.
Конечно, наше время
не стреножить.
Но разве мы не помним
прошлых дней,
Когда с победой,
кинув шашки в ножны,
Мы целовали в морды лошадей!
Кого их ум и преданность
не тронут —
Исконных обитателей степей!..
Им на широких чашах
ипподромов
Мы шумно аплодируем теперь.
А далеко — на дедовской Кубани,
В солоноватых травах у реки,
Пасётся конь
в сиреневом тумане
И слушает машинные гудки...

* * *

Июль —
Рябиновые ночи.
Июль как яблоко в саду:
Томится, зреет,
Так и хочет
У всех казаться на виду.
А в поле хлеб уже скосили,
На взгорьях смётаны стога.
И оперлась на них Россия,
Как на крутые берега.
Вот где-то песню
Вскинул кочет:
Рассвет упал на гладь реки...

Мне так тепло от этой ночи,
Как от девической руки.

КОВЫЛЬ ИОАННА

Который день татары гнались
За князем, чтобы взять в полон,
И в берегах кинел Танаис,
А по-теперешнему — Дон.
Князь уходил от злой погони:
"Лети, мой конь,
стрелой лети!"

Змеящимся арканом горло
Перехватило на пути.
"Князь Иоанн!" —
и день заплакал.
"Князь Иоанн!" —
и грохнул гром...

А вороги на армагаках
Уже пропали за бугром.
И только свет дневной растаял,
Они в шатёр его ввели
И, нож кривой

к груди приставив,
Согнули князя до земли.
Мечом и пламенем пытались...
А чуть проклонился восход —
В степи безбрежной закопали
И с гиком двинулись в поход.
Покрыта был
степным туманом,
Преданья спят в глухой дали.
Но, словно в память Иоанна,
Ковыль поднялся из земли.
Не истребить его ни ветру,
Ни стуже — травы как народ.
А он на этом белом свете
Имён напрасно не даёт.

ЛЕБЕДЯТА

А горю негу, кажется, границы.
По всей Кубани – мёртвые поля.
Пустые к солнцу выставив
глазницы,
Колодцы осыпаются пыля.
Земля в степи от мин похолодела
И задохнулась
от бензинных рос,
И молодое позабыла дело –
Рожать пшеницу
в человеческий рост.
Развешая запах каравай,
Хрипит трубой нетопленная печь.
И мы лежим, как жерди,
на кровати,
С торчащими углами узких плеч.
Мать в чугушке толчёт траву
устало,
Ещё не знаем мы, что лебеду...
Тот год богато выдался
крестами
в кизиловом
кладбищенском саду.
Всплеснулось пламя,
хату разбудило
И в тёмной печке вспыхнуло,
как мак:
– Попробуйте, сыночки,
лебединых! –
Лепёшки нам протягивает мать.
Мы их жуём – глотаем их,
а надо
Хотя бы чуть
мгновение продлить.
И плачет мать –
и рада, и не рада,
И Бога не перестаёт молить.
Себе толику отщипнёт, бывало,
И вовсе позабудет о еде...
Мать лебедятами нас называла,
Взрослых на военной лебедке.

НАД “РОДНОЙ РЕЧЬЮ”

На обложке – средняя Россия.
Рожь, Дорога. Сосны в вышине.
И над ними медленное, синее
Небо, что в полях сияло мне.
И душа, волнуясь,
не привыкнет
К этой репродукции никак.
Словно я Некрасова в вышине.
Прочитал в отрывочных стихах.
От макухи на страницах пятна.
И хотя учились мы с трудом,
Было всё нам близко и понятно
На великом языке родном.
Годы шли, а с ними поменяли

Старые учебники давно.
Слово “рожь” сегодня
поясняют,
Будто и нерусское оно.
Мелкий шрифт.
Обочина страницы.
Так выносят с поля сорняки.
Только рожь жива,
и за станицей,
Как на сход, собрались колоски.
Убегают дети спозаранок
В светлую родительскую степь.
Кто из них от пышного бурьяна
Отличить не может
скромный хлеб?
Нет таких. И не было, наверно.
Этот сеял в поле, тот косил.
То, что булки
не растут на ветках,
Я ещё до школы уяснил.
Рожь шумит.
Цепляется за стремя.
И пронзает синеву веков –
Тонкая, похожая на стрелы,
Кони разила Русь врагов.

СЧАСТЬЕМ ПОДЕЛИСЬ

Прикоснись ко мне улыбкой,
Взглядом прикоснись.
За берёзовой калиткой
Приостановись.
Что мне суды-пересуды,
Коль молва слепа.
Человеческие судьбы
Как одна судьба.
Ни развезда, ни развилки,
Только даль любви.
От звезды и до травинки –
Ты да соловьи.
Вышит пояс сарафана
В земляничный цвет.
Ты как дикая поляна,
Где лишь ветра след.
Мимолётные набухли
Тучи в синеве...
Раскалились, будто угли,
Ягоды в траве.
И дымок тумана зыбкий
Пропадает ввысь...
Прикоснись ко мне улыбкой –
Счастьем поделись.

НЕЗАБУДКА

Я в Химках, как схимник,
неслышно живу.
С зарёю на лодке
по Клязьме плыву.

И рыба, заметив мою седину,
Своею сверкает,
бросаясь в волну.
На берег зелёный сойду
в тишине,
И дальше эхо откликнется мне.
Прозрачная отмель.
Песок золотой.
Костёр языкастый
с дымящей ухой.
Какой-то прохожий,
присев у огня,
Отведая ухи,
не взглянув на меня.
А я, погрузившись
в молитвы свои,
Слышал лишь, как где-то
поют соловьи.
Остаток ухи за прохожим досм,
И всё разрешится
без тени проблем.
Сомнения – в речку,
страдания – в костёр.
В душе только вечность
да неба простор.
Вдоль трассы бунтующей
в город вернусь,
В бетонном приюте
поселится грусть.
И чтобы хоть как-то развезть её,
Дыхание леса принёс я в жильё.
Мерцает лампадой среди суеты
Цветок незабудки
в стакане воды.
И я, утомлённый,
склоняюсь над ней,
Считаю блаженство
отпущенных дней.

ПОСЛЕ ВСЕГО

После всего
помолчите в раздумье,
Красного выпейте
с хлебом вина.
И сиротливую свечку задуите,
Как это было во все времена.
И от виска паутинкою тихо
Грусть отлетит и растает во мгле.
Нет у природы ничтожнее мига,
Чем человеческий век на земле.
После всего повторите молитву,
Всё остальное не стоит гроша...
Чуть приоткрытой оставьте
калитку,
Чтобы жила ожиданьем душа.

Нине

ЗАЩИТНИКИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В 1862 году Российское государство праздновало свой 1000-летний юбилей. После неудачной Крымской войны, в начале правления Александра II и эпохи Великих реформ это событие воспринималось как начало возрождения России, её открытость к новой жизни, своеобразное подведение промежуточных итогов с надеждой на хорошее будущее. В преддверии юбилея начался сбор средств на создание величественного памятника “Тысячелетию государства Российского”, а на конкурсе победил проект молодого художника М.О. Микешина, выполненный им в содружестве со скульптором И.Н. Шредером. И вот 8 сентября 1862 года, в день Рождества Пресвятой Богородицы, в Новгородском кремле в присутствии императорской семьи под звуки специально написан-

ной М.А. Балакиревым симфонической поэмы “Русь” произошло торжественное открытие монумента.

Выполненный в форме колокола, он представлял собой как бы коллективный скульптурный портрет выдающихся деятелей земли русской (героев её истории и культуры от равноапостольных Кирилла и Мефодия до М.И. Глинки) за 10 веков её истории. И среди них мы видим оплывшие в бронзе динамичные княжеские фигуры Рюрика, Святослава, Дмитрия Донского...

Каждому из них в конце минувшего года посвящены книги знаменитой серии “Жизнь замечательных людей”. С ними мы вас и хотим познакомить сегодня.

РОДОНАЧАЛЬНИК ДИНАСТИИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ

Начальная история Древней Руси известна нам прежде всего из летописей, центральное место среди которых, бесспорно, принадлежит “Повести временных лет”. Это название условно, дано по первым словам текста. Традиционно считается, что автором “Повести” был инок Киево-Печёрского монастыря Нестор Летописец. И написал он её примерно в 1113 году.

“Условно”, “считается”, “примерно”, “около” – в сущности, это ключевые слова любого исследования “преданий старины глубокой”. И ничего тут не подделаешь: слишком мало документов и слишком много легенд, предположений. Ведь как ни крути, а между 862 годом (датой основания страны “с названьем кратким Русь”) и временем, когда трудился Нестор, – два с половиной столетия!

Написать биографию Рюрика очень сложно. И дело даже не в том, что летописи сохранили о нём буквально два-три свидетельства. Вокруг самих этих свидетельств бушевало столько споров, выдвигалось столько гипотез и интерпретаций, что сама личность далёкого предка русских князей стала популярна не только в исторической науке, но и в общественном сознании. Достаточно сказать, что его имя мы найдём даже в списке 50 наиболее ярких представителей страны, отобранных в процессе нашумевшего телевизионного проекта “Имя Россия”. А его приход на Русь тесно связан с многими “болезненными” положениями начальной русской истории. Пресловутая “варяжская

проблема” включала вопросы об этнической принадлежности варягов и их роли на Руси, о происхождении самого названия “Русь”, о тёмных сторонах в хронологии и генеалогии, ставящих под сомнение происхождение Рюриковичей от Рюрика, разнообразие известия о жизни наших предков до Рюрика. Своей же книгой Е.В. Пчёлов пытается не столько ликвидировать белые пятна истории, сколько рассказать о них любознательному читателю с позиций современного научного знания.

Почему летописные известия о Рюрике так кратки и противоречивы? Кем он был: датчанином, шведом или славянином? Как он и его преемники сумели создать из множества разрозненных племён громадную державу с центром в Новгороде, а затем в Киеве?

В короткой рецензии всего этого не раскроешь, надо читать книгу.

Одно скажу: много разумного почерпнул я у обеих спорящих сторон. Не верю же только одному: что не было на Руси такого князя и Рюрик – придумка средневековых летописцев (есть и такая версия). И ещё. Если наши предки были настолько разумны, что успешно смогли выбрать по себе религию, почему ж они не могли поступить так же в отношении государственного устройства? Как там в “Повести временных лет”: “И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзи зьвуться свие, друзии же урмане, анғылгане, друзии гьте, тако и си. Реша русь чюдь, словени, и кривичи и вси: “Земля наша

велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжити и володети нами”.

Последние два предложения, по моему, ясны и без современного перевода. Впрочем, почти полтора столетия назад они удачно легли и на язвительный поэтический язык графа Алексея Константиновича Толстого:

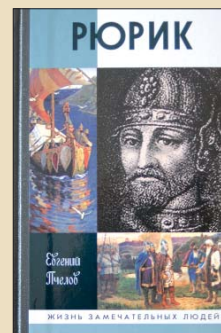
...Посланицы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
“Придите, господа!”

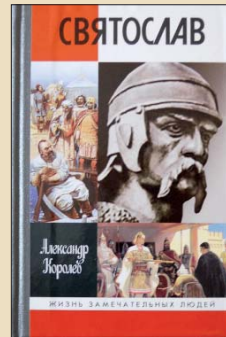
Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфер;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет”.

А кончилось дело тем, что один из приглашённых, Рюрик, согласился:

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

Весьма актуальное замечание...

“Это ж надо – и о Святославе написана целая монография”, – подумал я, открывая новую книгу историка А.С. Корольева. И каково же было моё удивление, когда на первой её странице прочитал: “Взяв в руки это издание из серии ЖЗЛ, читатель, возможно, скажет: “Ну вот кто-то и про Святослава умудрился написать толстую книжку”. А всё дело в том, что исследователи

ВСКОРМЛЕННЫЙ С КОПЬЯ

располагают совсем уж скудными известиями об этом отважном князе, жившем в середине X века.

Как мы знаем ещё со школьных лет, был он сыном киевского князя Игоря, того самого, которого убили древляне, восстав против чрезмерных поборов. Им, в свою очередь, жестоко отомстила мать Святослава – Ольга, дотла спалившая Корсунь при помощи принесённых “от каждого дыма” корсунских воробьёв. В этой жестокой обстановке и рос юный князь, с младых ногтей осваивавший военное дело.

Ольге не удалось привить сыну интерес к христианству. Отказавшись креститься, он оставил Киев и во главе дружины принялся крушить соседей: то хазар, то дунайских болгар, то византийцев, то ясов, вятичей и косогов. “Он ходил на неприятеля с быстротой барса, – говорит о нём летопись. – В походах не возил с со-

бою ни котлов, ни обозов; питался кониной или мясом диких зверей, которое пёк на углях; не боялся ни холода, ни ненастной погоды; спал без шатра под открытым небом, подставляя под себя конский потник, а в изголовье – седло; если же шёл на врага, то никогда не нападал на него врасплох, но всегда заранее предупреждал: “Иду на вы”.

А вот чем не угодили Святославу соседние племена? Чего добивался он, непрерывно воюя с ними? Как далеко зашёл во время своего похода на хазар и почему, бросив всё, ушёл на Дунай? На что он рассчитывал, ввязавшись в болгаро-византийский конфликт?

Вопросов всегда было больше, чем ответов. Корольев постарался ответить на самые острые. Для этого он восполнил нехватку информации рассказами о событиях того времени, прямо или косвенно влиявших на поступки князя, правившего государством 15 лет.

ГЕРОЙ КУЛИКОВА ПОЛЯ

Впервые книгу Ю.М. Лоцица, посвящённую выдающемуся государственному деятелю и полководцу Древней Руси благоверному князю Дмитрию Ивановичу Донскому (1350–1389), я прочитал ещё в конце семидесятых годов прошлого века. Тогда она вышла в “Воениздате” и по причинам, о которых нетрудно догадаться, называлась просто “Дмитрий Донской” без всякого добавления “святой благоверный”. И вот теперь увидело свет её третье издание уже в ЖЗЛ. Как всегда, с новыми уточнениями и дополнениями.

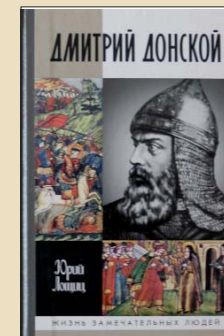
Перечитывая знакомые страницы, я ловил себя на мысли, что очень уж символично само появление этой книги в году 65-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Символично и то, что, воспевая мужество героев седой старины, писатель посвятил свой труд памяти отца-фронтовика, шедшего в бой под знаменем спасителей нашего Отечества – Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова, Георгия Жукова.

Русским никогда победы не давались легко. Куликовская битва – не исключение. В одном из списков “Сказания о Мамаевом побоище” упоминается, что предводитель наших вра-

гов бахвалился, что силы с ним “12 орд и 3 царства, а князей со мной 33”. Однако “сражение 8 сентября 1380 года не было битвой народов, – замечает Лоциц. – Это была битва сынов русского народа с тем космополитическим подневольным или наёмным отребьем, которое не имело права выступать от имени ни одного из народов – соседей Руси”.

Русичи одержали историческую победу. И хотя хан Тохтамыш вскоре напал на Москву и заставил князя Дмитрия дальше платить дань, а чтобы довершить дело, начатое Куликовской битвой, понадобится ещё столетие, победа подняла дух нашего народа, ослабила Орду, упрочила уважение прочего мира к династии великих князей московских.

Вскоре после битвы, где-то между своим тридцатилетием и именинами, а стало быть, между 12 и 26 октября, Дмитрий Иванович съездил к Сергию Радонежскому. Он рассказал о великой сече, поблагодарил за инок Пересвета, чей подвиг вдохновил воинство стоять насмерть, но не посрамить родной земли. Скорее всего именно в тот приезд Сергий и высказал пожелание, чтобы в одну из суббот накануне дня Дмитрия Солунского ежегодно отправлялось повсемест-

ное, общерусское поминовение воинов, павших за Отечество. По крайней мере этот день с тех пор стали называть Дмитровской родительской субботой, “поминальной и вселенской”. И нам, сегодняшним, стоило бы не забывать о знаменательной дате.

В дни юбилейных торжеств по случаю 1000-летия Крещения Руси состоялся акт церковной канонизации святого благоверного князя Дмитрия, который на протяжении многих веков после своей кончины входил в число московских месточтимых святых. На этот раз его имя было внесено в общецерковные святцы.

★
Евгений АРТЮХОВ,
заслуженный работник
культуры РФ